ИСТОРИЯ СЛОВ

В.В.Виноградов

ЛИЧНОСТЬ

I.

Из истории слова «*личность*» в русском языке до середины XIX в.

1. В русское слово *личность* влились многие из тех значений и смысловых оттенков, которые развивались в разных европейских языках у многочисленной группы слов, восходящих к латинским persona и individuum, к греческим *πρόσωπον* и *άτομον* . Слово *личность*, имеющее яркую окраску русского национально-языкового строя мысли, содержит в себе элементы интернационального и, прежде всего, европейского понимания соответствующего круга идей и представлений о человеке и обществе, о социальной индивидуальности в ее отношении к коллективу и государству. Слово *личность*, так же как и западноевропейские Person, Persönlichkeit, Individualität, personalité, individualité, personality, individuality, person и т. д., выдвигалось как своеобразный термин и лозунг в разных философских и общественно-политических системах и направлениях XIX и XX столетий[1].

2. В древнерусском языке до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям и понятиям о личности, индивидуальности, особи. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству и родине, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях. Конечно, некоторые признаки личности (например, единичность, обособленность или отдельность, последовательность характера, осознаваемая на основе тех или иных примет, сконцентрированность или мотивированность поступков и т. д.) были живы, очевидны и для сознания древнерусского человека. Но они были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека, человеческой особи (*человек, людие,* ср. *людин,лице, душа, существо* и некоторые другие). Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII в. было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемы портрета и т. п.).

3. Развитие и дифференциация тех признаков и представлений, которые в начале XIX в. нашли выражение в слове *личность*, в русском литературном языке XVII и XVIII вв. не имели концентрированного и адекватного выражения в каком-нибудь одном слове, одном термине.

---

[1] Ср., напр., Eucken. Die Grundbegriffe der Gegenwart. 2 Auflage. Persönlichkeit und Charakter, S. 265 — 273. A. Trendelenburg. Zur Geschichte des Wortes «Person». Kantstudien, XIII, 1908, S. 1 — 17.

Слова *персона* и *особа*, вошедшие в русский литературный язык XVI — XVII вв., не обозначали индивидуального строя и внутренних, моральных прав и склонностей человеческой особи[2]. Они выражали лишь официальное положение лица, его общественно-политическую или государственную неприкосновенность и важность (ср. связанные с основой *osob*- обозначения личности в западнославянских языках: польское osobistość, чешское osobnost.

4. Изучение истории слова *личность* должно считаться с тем изображением процесса формирования личности, которое предложено К. Марксом во «Введении к критике политической экономии»: «Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивидуум, а следовательно и производящий индивидуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с общиной в различных ее формах, возникшей из столкновения и слияния родов. Лишь в XVIII веке, в ”гражданском обществе“, различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки, — есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с точки зрения всеобщих) связей»[3].

5. Слово *личность* образовано как отвлеченное существительное к имени прилагательному личный, обозначавшему: `принадлежащий, свойственный какому-нибудь лицу'. Это слово сформировалось не ранее второй половины XVII в. В русском литературном языке XVIII в. слово *личность* употреблялось в следующих значениях:

1) личные свойства кого-нибудь, особенность, свойственная какому-нибудь лицу, существу (ср. в языке Тредиаковского);

2) привязанность, пристрастие, любовь к себе, самость, эгоизм;

3) отношение к физическому или социальному лицу;

4) личное пристрастие к кому-нибудь;

5) оскорбительный намек на какое-нибудь лицо.

6. В конце XVIII в., в связи с развитием стилей сентиментализма, начинает все острее и глубже осознаваться в употреблении слова *личность* значение: `индивидуальные, личные свойства кого-нибудь, личное достоинство, самобытность, обнаружение личных качеств и ощущений, чувств, личная сущность' (ср. в языке Карамзина, в русских переводах сочинений Жан-Жака Руссо и т. д.).

---

[2] Ср. Rheinfelder H. Das Wort «Persona». Halle, Niemeyer, 1928. (Ср. также: Zeitschrift Für RomanischePhilologie, Hefl 77).

[3] К. Маркс. Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-ое, М., 1958, т. 12. С. 710.

7. С начала XIX в. употребляются в русском литературном языке европеизмы: *индивидуум, индивидуй,индивидуальность* и калька *неделимое* (individuum, фр. individu). Наряду с этими выражениями для обозначения представления о личности употребляются также слова, полученные в наследство от русского литературного языка XVIII в.: *существо, лицо, создание, человек, характер* и некоторые другие.

Только в20—30-х годах XIX в. в русском литературном языке вполне сформировалось в слове *личность* значение: `монада, по-своему, единственно ей свойственным образом воспринимающая, отражающая и создающая в себе мир'. Складываются антиномии личностного, индивидуального, неделимого и общего или общественного. С понятием о личности связывается представление о внутреннем единстве, неделимости и цельности отдельного человеческого существа, о его индивидуальной неповторимости.

8. На применение значений слова *личность* в общелитературном языке оказали громадное влияние философские учения, философское словоупотребление 20—40-х годов (ср. употребление слова *личность* в языке И. В. Киреевского, Н. В. Станкевича, В. Г. Белинского, А. И. Герцена и др.). Ср. в письме В. Г. Белинского В. П. Боткину от 4—5 октября 1840 г.: «”Да здравствует разум, да скроется тьма!“ — как восклицал великий Пушкин. Для меня теперь человеческая *личность* выше истории, выше общества, выше Человечества. Это мысль и дума века!» (Западники 40-х годов, с. 154). Или в письме от 1 марта 1841 г.: «...судьба субъекта, индивидуума, *личности* важнее судеб всего мира и здравия китайского императора (т. е. Гегелевской Allgemeinheit» (там же, с. 160).

9. В языке русской художественной и публицистической литературы 40-х годов, а также в интеллигентской речи этого времени слово *личность* выступает как выражение центрального понятия мировоззрения. С точки зрения этого понятия в 40-е годы пересматриваются исторические, художественные, этические концепции (ср. знаменитую статью К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» 1846 г. (Кавелин. Собр. соч., 1, СПб., 1897, с. 5—66); диссертацию К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» 1846 г. и др. под.).

10. В русском литературном языке 40—50-х годов особенно рельефно выступают три оттенка в употреблении слова *личность*:

1) человеческая индивидуальность с ее внутренней стороны, индивидуальное или собирательное «я» в качестве носителя отличительных, неповторимо сочетающихся духовных свойств и качеств;

2) человек как социальная единица, как субъект гражданских прав и обязанностей — в его отношении к обществу;

3) отдельное, обособленное существо, определяемое по внешним, индивидуальным приметам.

11. В то время как в стилях публицистической и общественно-политической литературы 60-х годов слово *личность* наполняется новым социальным, прогрессивно-демократическим содержанием (ср. «*развитая личность*», «*мыслящая личность*», «*светлая личность*» и т. п.), в обиходной разговорной речи оно расширяет свое значение до общего, неопределенно-местоименного указания на единичного человека как на тип, характер (разговорные синонимы: *персонаж, тип, субъект*).

II.

[Материалы к истории слова *личность*]

1.

Изучение истории слова, которое, бытуя в общем народном языке, вместе с тем имеет и другую, более ограниченную сферу профессионального употребления, а также проходит через своеобразную логическую обработку как научный термин, сопряжено с величайшими трудностями. Это в особенности применимо к такому слову, как русское слово *личность*. Ведь в это слово влиты многие из тех значений и смысловых оттенков, которые развивались в разных европейских языках у богатой группы слов, восходящих к латинским словам *persona* и *individuum*, к греческим *πρόσωπον* и *ἄτομον* и производным от них. Слово *личность*, имеющее яркую окраску русского национально-языкового строя мысли, в то же время содержит в себе элементы интернационального и — прежде всего — европейского мышления. Кроме того, слово *личность*, так же как и соответствующие западноевропейские, выдвигалось как своеобразный термин и лозунг в разных философских и общественно-политических системах и направлениях XIX и XX столетий. И это все не могло не оставить следов на употреблении слова *личность* в общерусском языке.

Кроме того, — и это самая главная и почти непреодолимая трудность, — такое знаменательное слово, как *личность*, тысячью смысловых нитей связано с разными другими словами, с разнообразными элементами семантической системы русского языка в ее историческом развитии. И — при современном состоянии науки о значениях — нет никакой возможности охватить все семантическое поле слова *личность* в его истории.

Наконец, *личность* принадлежит к тем отвлеченным словам с очень общим значением, которые легко в бытовой речи превращаются в номенклатурные фикции. «Если меня не спрашивают, то я знаю», — ответил блаженный Августин на вопрос, что такое время. Так же может ответить большая часть из нас на вопрос о том, что такое *личность*. Проф. Л. И. Петрожицкий справедливо заметил: «В области называния психических явлений нет возможности взаимного выяснения и фиксирования объекта называния путем показывания или иных средств наблюдательного удостоверения. Вследствие этого здесь согласование и фиксирование называния неизбежно связано с элементом гадательности, с бесчисленными недоразумениями и вообще с такими осложнениями и затруднениями, которые исключают возможность такого успеха в выработке системы имен с однообразными для всех, более или менее резко очерченными, областями и границами применения, какой возможен в сфере физических объектов»[4].

В слове *личность* современный русский язык различает три основных значения:

1. Отдельное человеческое я, человеческая индивидуальность как носитель своеобразных социальных и субъективных признаков и свойств. Например, *личность Пушкина; уважение к чужой личности; неприкосновенность личности* и т. п.

2. Человек с точки зрения черт его характера, поведения, общественного положения: *светлая личность*, *темная, подозрительная личность*, *благородная личность*, *редкая*

---

[4] Петрожицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907. С. 64.

личность и т. п. Это значение иногда расплывается и синонимически уравнивается с общим значением слова человек (ср.: *в углу сидело несколько личностей в лохмотьях*).

3. Человек как субъект права и как гражданское лицо. Например, *удостоверение личности, опознать личность убитого, для выяснения личности* и т. п.

Кроме того, в современной речи сохраняются единичные осколки старинного употребления слова *личность* в значении `намек на определенное лицо' (напр.: *прошу без личностей*). В вульгарном или шутливом просторечном употреблении слово *личность* иногда выступает также как синонимическая замена слов лицо, *физиономия* (ср. у Гоголя в «Мертвых душах» (гл. 2): «...рука... так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя...»).

Наконец, в несколько архаическом индивидуальном стиле слово *личность* иногда значит то же, что индивидуальный характер, индивидуальное, личное содержание. Например, в статье Н. В. Шелгунова «Переходные характеры»: «Несмотря, однако, на кажущуюся *личность* тогдашнего человеческого достоинства, оно было скорее стадным, чем личным...» (Шелгунов, Воспоминания, с. 257).

Объем термина *личность* в его основном употреблении очень широк. В нем заметны значительные колебания в зависимости от сферы его применения и от социальной или индивидуальной идеологии. То понятие личности наполняется широким социальным содержанием, то сближается с юридическим понятием лица, то оно приобретает яркий психологический или даже философско-метафизический отпечаток. В. Штерн[5] давал такое определение личности: «*Личность* есть такое сущее, которое, несмотря на множественность своих частей, образует реальное, своеобразное и самоценное единство и, в качестве такового, несмотря на множественность своих частичных функций, осуществляет единую целестремительную самодеятельность. *Вещь* есть контрадикторная противоположность личности. Она есть такое сущее, которое, состоя из многих частей, не обладает реальным, своеобразным цельным единством и, выполняя многие частичные функции, не осуществляет никакой единой целестремительной самодеятельности. Противоположность личности и вещи ярче всего сказывается в различном отношении их к понятию тождества. *Личность* структурна, целостна, неделима, неповторимо своеобразна, динамична и вместе с тем самотождественна». О самотождестве личности, о тождестве личного сознания или самосознания в разные времена много писалось разными философами. «...Нумерическое тождество есть глубочайшая и, можно сказать, единственная характеристика живой *личности*» (П. Флоренский. Столп и утверждение истины, М., 1914, с. 82). Тождество личности устанавливается «чрез единство самопострояющей или самополагающей ее деятельности». В деятельности *личность* формируется и проявляется. «...О двух вещах никогда нельзя в строгом смысле слова сказать, что они — ”т о ж д е с т в е н н ы “; они — лишь ”сходны“, хотя бы даже и ”во всем“..., лишь подобны друг другу, хотя бы и по всем признакам. Поэтому, тождество вещей может быть родовым, г е н е р и ч е с к и м , по роду (identitas genecifica, *ταντότης τω* `*ίδει*), или видовым, с п е ц и ф и ч е с к и м , по виду (identitas specifica), одним словом — п р и з н а к о в ы м по тому или иному числу признаков, включая сюда совпадение по трансфинитному множеству признаков и даже, — предельный случай, — по всем

---

[5] William Stern. Person und Sache. System der philisiphischen Weltanschauung. Erster Band. Ablleutung und Grundlehre. Leipzig, 1909, Einführung.

признакам, но все же — не н у м е р и ч е с к и м , н е ч и с л о в ы м , не по числу (identitas numerica, *ταωτότης κατ ' αριθμόν*).

Понятие о ч и с л о в о м тождестве неприложимо к в е щ а м : вещь может быть лишь ”такая же“ или ”не такая же“, но никогда — ”та же“ или ”не та же“. Напротив, о двух л и ч н о с т я х , в сущности говоря, нельзя говорить, что они ”сходны“, а лишь — ”тождественны“ или ”нетождественны“. Для личностей, как личностей, возможно или нумерическое тождество их, или — никакого. Правда, говорят иногда о ”сходстве личностей“, но это — неточное словоупотребление, так как на самом-то деле при этом разумеется н е сходство личностей, а сходство тех или иных свойств их психофизических механизмов, т. е. речь идет о том, что, — хотя и в личности, — но — не личность. Личность же, разумеемая в смысле ч и с т о й л и ч н о с т и , есть для каждого Я лишь идеал, — предел стремлений и самопостроения» (там же, с. 78—79).

В личности предполагается внутреннее единство духовной структуры и образа действий, мыслей, побуждений, психического склада, несмотря на все разнообразие, на всю противоречивость жизненных проявлений индивидуального характера. «...В реальной жизни личности, — пишет проф. С. Л. Рубинштейн, — все стороны ее психического облика, переходя друг в друга, образуют неразрывное единство.

Это единство общего психологического облика человека носит всегда более или менее ярко выраженный индивидуальный характер» (С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, М., 1940, с. 517). Поэтому *личность* в отличие от вещи — не может быть рассматриваема как совокупность признаков. В понятии личности диалектически соприсутствуют идеальное представление об абсолютной целостности индивидуального существа и об эмпирических колебаниях, иногда даже как бы разрывах структурного единства личности. Реальное единство личности разнообразно и противоречиво. Но, понятно, лишь неточности бытового языка обязаны такие характеристики: «Каждый человек... не только не похож на других людей, но иногда он не похож на самого себя» (там же, с. 517). Свойства личности, ее направленность и тенденции — со всем их многообразием и во всех их противоречиях — не только динамически раскрываются в процессе становления и самоутверждения личности, но они потенциально уже заложены в структуре личности, как сюжетный стержень ее жизненной драмы. По словам С. Л. Рубинштейна, «В действительности *личность* и ее психические свойства одновременно и *предпосылка* и *результат* ее деятельности» (там же, с. 518).

2.

Со словом *личность* синонимически сближается интернациональное слово *индивидуальность*. Сверх значения свойства, соотносительного со значениями прилагательного *индивидуальный* или существительного *индивидуум*, в слове *индивидуальность* различаются более или менее отчетливо два основных значения:

1. Совокупность характерных, более или менее ярких, особенностей и свойств, отличающих один индивидуум от другого (напр.: *Он человек совсем безличный, без всякой индивидуальности. Ярко выраженная индивидуальность*).

2. Единичная *личность*, отдельное существо как обладатель, носитель своеобразных особенностей, свойств (напр. *Защита человеческой индивидуальности*) (Ушаков, 1, с. 1202).

Гораздо более далеки от слова *личность* значения слова *индивидуум*, которое в бытовой речи сближается с некоторыми значениями слов *лицо* и *человек*. *Индивидуум* — это 1) в биологии: самостоятельно существующая особь, отдельный животный организм или растение; 2) в общем языке: человек, рассматриваемый как самостоятельная особь, как отдельная единица среди других людей и 3) в разговорно-шутливом употреблении: субъект, некто («*Ко мне подошел какой-то индивидуум в синих очках*» и т. п.).

Акад. А. С. Лаппо-Данилевский так раскрывает это содержание термина *индивидуальность*: «Понятие об индивидуальности есть понятие о некоем единстве своеобразия, характеризуемом известною совокупностью признаков и, значит, не заменимым другим каким-либо комплексом в его значении. Понятие об индивидуальности характеризуется богатством своего содержания и ограниченностью своего объема; оно содержит множество представлений о разнообразных элементах конкретной действительности, объединяемых в одну совокупность, что отражается и в словоупотреблении: под индивидуальностью, в более частном значении слова, можно разуметь и *личность*, и событие, и социальную группу, и народ, в той мере, в какой они отличаются от других личностей, событий, социальных групп, народов и т. п.»[6].

Слово *индивидуальность* чаще всего связывается с выражением более высоких и более ярких качеств личности. «Всякий человек является *личностью*, сознательным субъектом, обладающим и известным самосознанием; но не у каждого человека те качества его, в силу которых он осознается нами как *личность*, представлены в равной мере, с той же яркостью и силой. В отношении некоторых людей именно это впечатление, что в данном человеке мы имеем дело с *личностью* в каком-то особенном, подчеркнутом смысле этого слова, господствует над всем остальным. Мы не смешаем этого впечатления даже с тем очень близким, казалось бы, к нему чувством, которое мы обычно выражаем, говоря о человеке, что он индивидуальность. ”Индивидуальность“ говорим мы о человеке ярком, т. е. выделяющемся известным своеобразием. Но когда мы специально подчеркиваем, что данный человек является *личностью*, это означает еще нечто большее и другое. Личностью в подчеркнутом, специфическом смысле этого слова является человек, у которого есть свои позиции, свое ярко выраженное сознательное отношение к жизни, мировоззрение, к которому он пришел в итоге большой сознательной работы. У личности есть свое лицо» (С. Л. Рубинштейн. Указ. соч., с. 566).

Учение о великой индивидуальности, или о гении, как известно, своеобразно развивалось и В. Гумбольдтом в статье «О задаче историка»[7].

Этот оттенок слова *индивидуальность* сложился в начале XIX в. не без влияния искусства западноевропейского романтизма, когда царил культ высших по натуре индивидуальностей. [Следует] напомнить учение Фихте об «идеальной индивидуальности или, как правильно называют это, об оригинальности» — die ideale Individualität order, wie es richtiger heißt, die Originalität Свободная деятельность нашего «я» проявляется [по Фихте] в каждом отдельном индивидууме, но в ему одному присущем и ни одному

---

[6] Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Ч. 1. Теория исторического знания. СПб., 1912. С. 232 — 233.

[7] Ср.: O. Kittel. W. v. Humboldt's geschichtliche Weltanszhauung. Leipzig, 1901.

другому индивидууму не доступном виде; это и образует «индивидуальный характер высшего определения» личности (Ср.: А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., с. 192).

Ср. у Пушкина в повести «Барышня-крестьянка» — об уездных барышнях: «...но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: *особенность характера, самобытность,* (individualité), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия».

3.

В древнерусском языке до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы — хотя бы отдаленно — представлениям и понятиям о личности, индивидуальности, особи. Для обозначения единичной особи человеческого рода в древнерусском языке употреблялись слова *человѣкъ* (мн. *человѣци*) и *людинъ* (мн. *людие — люди*). Разница между *человек* и *людин* состояла в том, что *человек* было общим термином и обозначало разумное существо в противоположность животному. Между тем слово *людин* имело социальную окраску. Оно применялось к представителям низших и средних классов общества и противопоставлялось, с одной стороны, обозначениям знати (*мужъ* и т. п.) и, с другой стороны, служителей церкви[8], клириков. Пережитки этого древнего значения *людин* могут быть обнаружены в сложном слове *простолюдин* (мн. *простолюдины*). Другой — народной формой того же слова является *простолюдим* (ср. *нелюдим*), употребительное в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. Древнерусский эквивалент этого термина — *простълюдинъ*. Наряду с *людинъ — люди*, но гораздо реже, в древнерусском языке, преимущественно в памятниках церковного права, употреблялись формы *люжанинъ,люжане*, возникшие под влиянием слов на *-анин* (типа *горожанин*). В настоящее время из всех славянских языков только в украинском сохранился ансамбль форм — людина, люде — для обозначения человеческой особи независимо от пола, причем древняя социальная окраска этого слова стерлась, ограничения его употребления кругом низших и средних классов утрачены. В связи с этой потребностью расширенного употребления слова *людинъ — люди* ко всякому человеческому существу как мужского, так и женского пола находится изменение формы мужского рода *людинъ* в форму общего рода *людина*. Вообще же здесь произошло приспособление формы с единичным значением — *людинъ, людина* к форме со значением коллективности, собирательности людие — люди, форме, не связанной с различиями рода — пола. Таким образом, в истории этих слов отражается влияние категории коллективности, собирательности на категорию единичности, а не наоборот. Между тем, в понятии личности, индивидуальности признак единичной неповторяемости очень существенен. Это — лишнее подтверждение того факта, что понятие личности древнерусскому мировоззрению было чуждо. В большей части славянских языков, в том числе и в русском, произошло объединение слов и форм *человек — люди*. В старославянском языке соотносительно со словом *человек* употреблялось в коллективном значении слово ч#дь (*čędь). Слово чадь встречается и в древнерусских текстах, но почти исключительно в значении `компаньоны, окружающие, антураж' (Срезневский, 3, с. 1470). Известно, что в украинском языке слово чоловік и теперь обозначает, с одной стороны, лицо мужского пола, в частности мужа, а с другой стороны, применяется в конструкциях с числительными для обозначения числа животных: *шість чоловіка вовків* (Гринченко, Сл.

---

[8] Ср.: П. Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русской правде. Приложения ко второму выпуску. М., 1886. С. 79 — 84.

укр. яз., т. 4, с. 469)[9]. Можно думать, что отвлеченное значение слова *человекъ* — homo sapiens сложилось в русском языке не без влияния общелитературного старославянского языка. В дальнейшем развитии языка слово *человек* приобретает, с одной стороны, яркую социальную окраску, сужая свое значение и становясь обозначением крепостного, слуги и т. п. (ср. *человек из ресторана* и т. п.), а с другой стороны, подобно французскому personne, получает обобщенное местоименное значение.

КXV — XVI вв. в слове *человек* развивается отвлеченное значение, близкое к значению неопределенного или отрицательного местоимения. Любопытно сопоставить две редакции «Жития Александра Невского». Автор XIII столетия восклицает: «О горе тебh, бедный человhче, како можеши написати кончину господина своего! Како не упадета ти зhници вкупh со слезами? Како же не урвется сердце твое оть коренія? Отца бо оставити человhкъ можеть, а добра господина не мощно оставити; аще бы лзh — и въ гробь бы лhлъ съ нимь» (ПСРЛ, V, 5).

Автор XVI в. пишет в таком отвлеченно-риторическом стиле: «Ужасно бhвидhти, яко въ толицh множествh народа не обрhсти человека, не испустивша слезь, но вей со восклицаніемъ рыдающе глаголаху: увы намь, драгій господине нашь!» (Степенная книга, 1, с. 372—373) (Милюков, 1, с. 172, примеч.).

Может показаться, что с понятием личности было связано или соприкасалось с ним слово *лице*. В древнерусском языке слово *лице* выражало более разнообразные значения. Чаще всего *лице* обозначало переднюю часть головы (ср. в «Поучении Владимира Мономаха»: «Како образи разноличнии въ человhческыхъ *лицихъ*»), реже одну сторону этой части (ср.: «Аще тя кто ударить *по лицю*, обрати ему другое». — Пролог XV в., сент. 19), `перед вообще или наружную, переднюю сторону предмета' («...Обратися икона *лицемъ* на градь...». — Пск. 1 Летоп., 6677 г.), `образ, вид' («Не имhше *лица*, ни лhпоты, нъ *лице* его бечьстьно и охудhло» (*ε δος* , speciem). Иппол. Антихр. 44); `личину, цвет, краску' («Масть, рекше лице» — Иоанн Екз.;«Вhтви его бhаху всhми *лици*» — *ποίκιλοι* . Жит. Андр. Юр. XXIV, 91); `породу' («показу ютъ ему мраморы и каменіе оть различныхъ лицъ, и... глаголютъ, которымь *лицамъ* велить быти держава твоя гробу твоему». — Игн. Пут.), в судебном языке — `поличное' (в Русской Правде по Син. сп.: «Оже не будеть *лица* тьгда даті ему железо из нhволh до полугривны золота»), в грамматической терминологии — форму глагола.

Реже слово *лице* соответствовало значениям латинск, региона, греч, *προ 'οωπον* . Ср. в «Пандектах Никона»: «Еи стыдящеся *лиць* сильныхъ» (29). Ср. *личныи*: *Лицная* часть наричаемыи нось» (Пал. XIV в.), «Красота лична#(Сказ. Акир.); *лицетворие* — `*προσωποποιία* '; *лицетворите— олицетворять*; *лицедhи — лицемер*.

Вообще же слово *лицо* до XVII — начала XVIII в. не обозначало человека вообще, индивидуума, персонаж, так же как и не выражало до XIX в. значения: `индивидуальный облик, отличительные черты, совокупность индивидуальных признаков' (*иметь, приобрести свое лицо*).

Акад. А. И. Соболевский (Соболевский, Русск. заимствов. слова, с. 3), а за ним проф. И. И. Огиенко указали на то, что слово лице, сначала в древнерусском языке

---

[9] См.: B. Unbegaun. La langue russe au XVI siècle, p. 296.

обозначавшее лишь физиономию, стало указывать на человека, *личность*, personaпод влиянием греческого слова *про 'оωπον* . «Греческое же слово *про 'оωπον* кроме главного значения — `физиономия', значило еще *личность*, *persona*. И вот, когда греческий язык стал влиять на язык русский, наше *лицо* приобрело еще и новое значение — *личность*» (Огиенко, с. 14). Не подлежит сомнению, что здесь и у Соболевского, и у Огиенко — неправомерный перенос современных смысловых оттенков слова *личность* на древнерусский язык.

Проф. М. Ф. Владимирский-Буданов писал: «В основе гражд. права лежит понятие *лица* (*persona*)... Понятие *лица*, как субъекта частного права, кажущееся ныне столь простым, есть продукт долговременных и сложных усилий истории. Первоначально, при смешении публичных и частных начал, *лицами*, владеющими на частном праве, были союзы общественные: семейный, родовой, общинный и государственный; *лицо* физическое еще не выделяется. В частности, в древнейшем русском праве отсутствие понятия о *лице* видно из отсутствия терминов, его выражающих; правда, в литературных и законодательных памятниках с древнейших времен встречаются переводные термины: *лице* — с греческ, *πρόσωπον* , и *особа* с латин. *persona*; но из них первый означает не *лицо* в нашем смысле, а напротив — отрицание достоинства *лица*, именно один из видов рабства: по хронографу Эйнама, морав Богута, состоявший на службе византийского императора, так говорил послам чешского короля Владислава II в 1164 г.: «servus domino bellum illaturus venis, non tamen servus,cui per vim imposita estservitus, sed servus voluntarius, ut vos, dicitis,«*το λιξιον* ». В русских памятниках (Догов. Олега с гр., ст. 9) *лицом* называется или раб-пленник («взвратять искупленное *лице* въ свою страну»), или вещь (Рус. Пр. Кар. 29: «свое ему *лицемъ* взяти»). Неясность понятия о *лице физическом* в древнейшем русском праве открывается вполне из явлений потока, изгойства и рабства, а также из древних форм семейного и вещного права... Вообще целый 1-ый — земский период (вопреки распространенному мнению) представляет эпоху не безграничного преобладания *частного лица*, а напротив, полного подавления его правами общественных союзов. Во 2-ом пер. — Московского государства *лицо* высвобождается (хотя и не вполне) из-под влияния союзов семейного, родового и общинного, но права его подавляются правами государства, в особенности в сфере вещного права и права наследования; напротив, в Литовском государстве замечается ранее весьма сильное и чрезмерное развитие прав *частного лица* насчет прав государства (благодаря влиянию права немецкого, а отчасти — римского), отчего все институты частного права здесь быстро развиваются и специализируются. В период империи — в общерусском праве, особенно со времен Екатерины II, постепенно указываются и определяются должные границы деятельности и власти *лица* по отношению к правам государства»[10].

Быть может, ближе всего к некоторым признакам того понятия, которое мы обозначаем словом *личность*, подводил с религиозно-философской точки зрения термин душа. Слово душа обозначало не только жизненное начало, основу личной жизнедеятельности, духовную сторону человека, но и духовные свойства отдельного человеческого существа, его нравственные качества, совесть, целостное выражение внутренней человеческой сущности, и далее — отдельное существо, в частности человека (Срезневский, 1, с. 749—750). Характерны такие примеры древнерусского употребления этого слова: «Душа оттрии частии есть, рекше силы имать: словесное, и яростное, и желанное» (Никиф. метроп. поел. Влад. Мономаха); «Аще убо бы существа Божия была душа, то всемъ бы

---

[10] Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права, изд. 3-е. Киев; СПб., 1900. С. 365 — 366.

одинака была; но се убо видимъ разньство, яко во иномь мудра, во иномь же естьбуя, въдруземъ же неразумѣва, а въдруземъ же размыслива, и нравомь обдержащися на злое клонится, иная же на благое, иная же правду хвалящи и добрыя нравы любящи» (Пал. XIV л. 28). Таким образом, *душа* — это религиознонравственная сущность отдельного человека, влитая в его тело.

К древнерусскому употреблению слова душа семантически примыкало иногда старославянское слово *существо*, которое обозначало и `бытие, существование', и `внутреннюю сущность чего-нибудь', и `индивидуальную природу, совокупность свойств', и `отдельное живое создание'. Например, в «Житии Андрея Юродивого»: «Что есть душевное существо?.. Мыслень духъ есть» (Срезневский, 3, с. 635). И все же общественному и художественному сознанию древнерусского книжного человека было чуждо представление о единичной конкретной личности, об индивидуальности самосознания, об отдельном человеческом « *я*», как носителе социальных и субъективных признаков и свойств. Соответствующих понятий и слов — вроде наших *личность*, *индивидуальность, индивидуум, особь* — древнерусский язык не знал. Поэтому-то, напр., в древнерусской литературе не было жанра автобиографии, повести о самом себе. Нашим же биографическим очеркам соответствовали так называемые «Жития». В житийном произведении, так же как и во всяком другом литературном, герой изображается не как живая конкретная *личность*, внутренне противоречивая и разнообразная, а как «представитель той или иной рекомендуемой добродетели», как воплощение того или иного отрицаемого цеха, как олицетворение религиозно-нравственной или социально-политической категории. Например, так как в «Житие Александра Невского» — это биография князя, вождя, то исключается описание детства, отрочества и юности, всего того, что определило духовный рост его личности до княжения. Лишь общими условными христианскими словесными красками, церковнославянизмами рисуются добродетели его родителей: «Сеи бѣ князь Александръ богомь рожень от отца милостилюбца и мужелюбца пакы же кроткаго князя великого Ярослава и матери святое Федосьи». Точно так же обобщенно-символические средства церковнославянского стиля используются в словесном портрете Александра. На изображении идеального князя было сосредоточено все внимание составителя сказания, и тут приемы его стиля достаточно разнообразны.

Но и тут отсутствие художественного интереса к живому конкретному образу, отсутствие идеи личности, индивидуального характера сказывается в том, что в «Житии Александра Невского», в сущности, нет его прямого портретного изображения, точного описания его внешности. Отсутствует и индивидуализированная характеристика внутреннего облика великого полководца. По своеобразному закону древнерусского искусства положительные типы непременно обладают красивой и величественной внешностью, отрицательные — наделены отталкивающей наружностью. Здесь намечаются ясные линии соответствия между литературным и живописным искусством: древнерусские иконописцы также создали строгий, основанный на шаблоне, иконописный кодекс, нарушение которого не допускалось. Вместо индивидуального образа прежде всего дается схема православного богатыря, героического князя-христианина. Но стиль портрета Александра Невского отличается некоторыми особенностями; портрет складывается из типических сравнений то абстрактного, то библейского, то исторического характера: «Възрастъ (т. е. рост) его паче (т. е. больше) инѣхъ человѣкъ, и глась его акы труба въ народтѣ, лице его аки лице Есифа, ижебѣ поставил его Егупетьскыи царь втораго царя въ Египтѣ сила бѣ его часть от силы Самсоня; даль бѣ ему богъ премудрость Соломоню, и храбрьство же акы царя Римъскаго Еуспасьяна иже бѣ плѣнил всю Подъиюдеискую землю».

Таким образом, во внешнем облике Александра Невского выделяются рост, голос, лицо и сила, но они не вырисовываются, не характеризуются индивидуальными качествами или приметами. Они определяются лишь путем сопоставления их со средней нормой (рост больше, чем у других людей) или с традиционными высокими образами (голос с трубой, красота лица с красотой Иосифа, сила с силой библейского богатыря Самсона). Во внутреннем облике Александра выделяются мудрость и храбрость. Они также возводятся к мировым символам, воплощающим соответствующие свойства, — к образам Соломона и императора Веспасиана. По мнению акад. А. С. Орлова, в этой манере изображения Александра отразилось влияние и светской биографии его. В этом описании «чувствуется светская рука начитанного дружинника, использовавшего «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрию», «Троянские деяния» из хроники Малалы и «Девгениево деяние», а возможно, и исторические книги Библии» (Орлов 1937, с. 168). Однако не надо преувеличивать дружинный колорита этом изображении.

Можно сопоставить этот стиль портрета со стилем изображения в более древнем памятнике — в «Сказании о житии Моисея» (Кушелев-Безбородко, Памятники старинной Русск. литературы. СПб., 1862, вып. 3, с. 42): «высочество его яко тисово, лице же его яко солнце Сіяющи, храбрьство же его яко силно»[11].

Легко заметить, что и тут никаких индивидуальных примет и красок нет. Вместе с тем этот стиль портрета, состоящий в подборе разнообразных чисто словесных метафор и сравнений, можно назвать книжно-романтическим — в отличие от господствующего в древнерусской литературе народно-поэтического классического стиля иконописного портрета, а также близкого к нему иконописного бытового стиля. Типическими примерами этого портрета могут быть такие летописные изображения древнерусских героев — князя Романа (Ипатьевск. Летоп. 6688—1180 г.): «Князь Романь бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемь красень и всею добродѣтелью украшень...»; Дмитрия Донского (по изображению Никоновской летописи 6889—1380): «бѣаше же самь крѣпокъ зѣло и мужественень, и тѣломь великъ и широкъ, и плечисть, и чревать велми, и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы чернь, взоромь же дивень зѣло». Словесные памятники той эпохи дают, за отдельными исключениями, один и тот же тип внешности изображаемого героя: хороший рост, широкие плечи или грудь, большие, ясные или грозные глаза, красивое лицо. К этим основным чертам, повторяющимся в той или иной комбинации во всех положительных описаниях, при повторяющимся в той или иной комбинации во всех положительных описаниях, прибавляется еще в некоторых — цвет и форма бороды и волос, форма носа (редко) и полнота (почти — толщина). При этом «...русская летопись по большей части урезает и сжимает и этот скудный матерьал, сразу переходя к характеристике духовного облика героя» (см. А. Б. Никольская, Указ. соч., с. 196).

Таким образом, в словесном портрете Александра как бы сливаются и смешиваются приемы церковно-житийного и дружинно-эпического стиля, но с уклоном в сторону военно-исторических красок. Эта характеристика завершается развернутой параллелью с римским императором Веспасианом, заимствованной из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Она эффектно заключается кратким, но выразительным выводом: «Тако же и сии князь Олександр бѣ побѣжая, а не побѣдимъ» (Лавр. Летоп.). Или в Первой Софийской Летописи: «Тако же и сии великий князь Александръ Ярославичь бѣ побѣжая

---

[11] См. также: Никольская А. Б. К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе // Сб. ст. к 40-летию ученой деятельности ак. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 198.

всьде, а не побhдимь николиже». Кроме этого романтического портрета, в «Житии Александра Невского» есть и другое, чисто библейскоцерковное изображение характера, уже совсем безличное, отвлеченное и условное. Образ Александра Невского относится к тому идеальному типу «князя блага», который в Библии поэтически нарисован пророком Исаией: «О таковыхъ бо рече Исаіа пророкъ: князь благъ въ странахъ, тихъ, цвhтливъ, кротокъ, съмhренъ, по образу Божію есть, не внимая богатьства и не призря кровь праведничю, сироть и вдовици въ правду судяи, милостилюбецъ, благъ домочадцемъ своимь и внешнимь от страń приходящимь кормитель». Составитель жития — монах — не забыл внести в этот типический образ, нарисованный в Библии еврейским пророком Исаией, еще одну характерную черту своего сословного жизнепонимания: «И умножишася дни живота его въ велицh славh. Бh бо иереелюбець и мнихолюбець, и нищая любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа».

4.

Слово *персона* и *особа*, вошедшие в русский язык в XVI — XVII вв., не обозначали индивидуального строя и внутренних, моральных прав и склонностей человеческой особи. Они выражали лишь официальное положение лица, его общественную неприкосновенность и важность. Именно с этим значением оба эти слова отмечены в словаре заимствований Петровской эпохи (Смирнов, Зап. влияние, с. 214, 224). Например, в комедии Петровского времени «О Сарпиде дуксе Ассириском, о любви и верности»:

...предреченная братія начали завидhти.

злобствуя и ненавидя вашу честнhйшую *персону*

(Шляпкин.Старинн. действа, с. 4).

Слово *persona* собственно означало сценическую маску (*per-sona*). Но так как по маске можно было определить характер выступающего лица, то и самое понятие лица, характера стало выражаться этим словом. Перенесенное со сцены, в более широком смысле *persona* обозначало `лицо как воплощающее или представляющее тот или иной тип, характер'. В «Лексиконе славенороссском» Памвы Берынды (1653) слово *лице* поясняется словами *персона, особа* (с. 71). В «Немецко-латинском и русском лексиконе» Вейсмана (1731) немецк. P*erson*, латинск. *persona* переводятся словами: «особа, лик, лице, в комедии — играющая, действующая особа» (с. 465). В XVIII в. слово *персона* употреблялось еще в значении `образ, портрет' (Древности, 1911, 5, с. 7). В «Письмовнике» Курганова (1791, ч. 2, с. 256) *персона* определяется так: «Лице, особа, ипостась, человек».

Круг употребления слова *особа* даже в «Словаре Академии Российской» начала XIX в. описывается таким образом: «Говорится относительно к мущине или женщине отличным знатностью рода, чина, состояния и пр. и значит то же что лице. *Особа Государя священна.Знатные особы* (сл. АР 1806—1822,4.4, с. 422). Ср. у Гоголя в «Ревизоре» (д. 5, явл. 8): «Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

П о ч м е й с т е р . В том-то и штука, что он не уполномоченный и не *особа*!».

Только в словаре 1847 г. в слове *особа* выделено стертое, обобщенное значение — `каждое лицо': «За перевоз чрез реку по грошу *с особы*» (3, с. 86).

Необходимо заметить, что с тем же словом *особа* связаны термины для обозначения *личности* в западнославянских языках: польск. osobistość (ср. *выдающаяся личность* —

wybitna osobistość, jednostka), чешск. osobnost (ср. osobitý — `индивидуальный, своеобразный'). А. Брюкнер ставит в связь эти западнославянские образования с преобладающим влиянием на эти страны романо-германской цивилизации: ведь понятие persona этимологически возводится к per se — для себя (о собh) (A. Brückner, с. 384).

5.

На формировании понятия личности и на истории слова *личность* в русском языке не могло не отразиться «европейское мышление», смысловая система западноевропейских языков и — прежде всего — языка французского. Об истории соответствующих слов и понятий во французском языке можно извлечь такие сведения из «Dictionnaire étymologique de la langue francaise, par Oscar Bloch».

Слово *personne* восходит к латинскому *persona* — `театральная маска, персонаж' и — уже в классическую эпоху — `лицо, особа, человек, личность'. В церковном и юридическом языке это слово имело разнообразные применения, которые отразились и на истории этого слова в романских языках. С XIV в. в этом слове во французском языке развивается местоименное значение: `некто, кто-нибудь'. От слова *personne* образуется в XIII в. *personnage* в значении: `церковная должность, кюре'. Затем это слово в XV в. обрастает более широкими и отвлеченными значениями: 1) `важная особа, важное лицо, выдающийся человек'; 2) `особа, лицо'; 3) `действующее лицо, роль' (в пьесе).

Имя прилагательное *personnel* известно с XII в. как грамматический термин в значении: `относящийся к лицу, связанный с формами лица' (ср. латинск. *personalis*: verba personalia). Кроме того, слово *personnel* употреблялось в юридическом и церковном языке — соответственно со значениями слова *personne*. Только в конце XVII в. этот термин становится словом общего языка в значении: `такой, что думает только о своей особе, себялюбивый, эгоистичный'. Позднее — в XVIII в. развивается значение: `личный, индивидуальный'.

Как имя существительное, *personnel* в противоположность *matérial* — `материал, инвентарь, оборудование, имущество, материальная часть', приобретает значение: `личный состав, персонал'.

Ближе всего с историей русского слова *личность* связано франц. *personnalité* . Это слово впервые зарегистрировано в памятнике 1327 г., но до XVIII столетия употреблялось очень редко. Оно восходит к латинскому *personalitas*, которое выражало отвлеченное понятие к прилагательному *personalis*, т. е. качество лица, отношение к лицу. Из этого значения последовательно — в XVIII и начале XIX в. развиваются оттенки: 1) `личная точка зрения'; 2) `оскорбительные личные счеты; нападки, намеки'; 3) `себялюбие, эгоизм'; затем те же значения, которые свойственны слову *personnage*. 4) `человек, лицо, особа' и 5) `личность, индивидуальность'.

В конце XVII в. образованы слова *personnifier* — `олицетворять, персонифицировать' (возникновение этого слова связывается с именем знаменитого Буало и датируется 1692—1694 гг.) и отсюда в XVIII в. — *personnification* (это слово возводится к Пирону (O. Bloch, t. 2, p. 145 5 suif.

Точно так же история слова *индивидуальность* связана с судьбой соответствующих понятий и выражений во французском и немецком языках. Во французском языке слово *individu* впервые отмечено под 1242 г., т. е. около середины XIII в. Оно заимствовано из схоластической латыни, где *individuum* употреблялось в значении: `неделимое, то, что не

может быть делимо, что не подлежит дроблению, атом' (это значение было свойственно имени прилагательному *individuus* еще в древнем латинском языке). Из этого старого значения возникает значение: `то, что обособлено, отдельно — в противоположность видам и родам', далее — `всякое обособленное существо, особь', и отсюда — в фамильярной речи с XVII в. — `неопределенное, т. е. неподводимое под определенную категорию лицо, субъект', а затем в XVIII в. — `личность, индивидуум, субъект' (там же, 1.1, p. 382). Образование производных слов датируется такими сроками: individuel — 1490; individualiser — 1769; individualité — 1760; individualisme — 1846; individualiste — id.

Общеизвестно рассуждение Лейбница о принципе индивидуальности — 1663 г., написанное на латинском языке: «Disputatio de principio individue». Здесь Лейбниц выступает на защиту индивидуального, отвергая средневековое учение о том, что универсальное имеет высшую степень реальности, чем единичное. Напротив, *individuum*есть — positivum (т. е. положительная сущность); понятие индивидуального нельзя построить путем отрицания (negatio non potes producere accidentia individualia) — положение, получившее дальнейшее развитие в учении Лейбница о монадах.

6.

Слово *личность* было образовано как отвлеченное существительное к имени прилагательному *личный*, обозначавшему: `принадлежащий, свойственный какому-нибудь лицу'. Оно не зарегистрировано акад. И. И. Срезневским в памятниках древнерусской письменности XI — XV вв. Но едва ли оно могло сформироваться позднее второй половины XVII в. Можно думать, что на развитие значений этого слова повлияли латинское *persona*, а позднее немецкие слова: *die Personalien* — `личности, язвительности личные' (как переводилось это слово в немецко-русских словарях XVIII в.), Persönlichkeit — `личность, самоличность' (Аделунг, Поли. лекс., 2, с. 196) и французское *personne,personnage*. В «Полном немецко-российском лексиконе» Аделунга слово *личность*, наряду со словами *самолюбие*, *себялюбие* и *своенравие*, выдвигалось для передачи немецкого die Selbatheit (ч. 2, с. 488). Следовательно, в русском литературном языке XVIII в. нащупывалась возможность связать со словом *личность* значение `эгоизм, самость' Ср. другие средства выражения этого понятия: в языке кн. М. Щербатова («О повреждении нравов в России») — *самство*: «...любовь к отечеству убавилась и *самство* и желание награждений возросло» (Русск. быт, с. 315). В «Северном вестнике» (1804, ч. 1, № 1) автор статьи о синонимах эгоист и своекорыстнь в одном из примечаний пишет: «Недавно заметил я в одном русском сочинении слово *самособие*; мне кажется, что оно весьма хорошо выражает французское существительное имя *personnalisme*: но для введения онаго в употребление нужно общее согласие» (с. 38, примечание).

Употребление слова *личность* в русском литературном языке XVIII в. непосредственно определялось его морфологическим строением.

В. К. Тредиаковский употребляет слово *личность* как отвлеченное существительное к прилагательному *личный* в значении: `личные свойства, особенность, свойственная какому-нибудь отдельному лицу, существу':

Весна возбудит всяку *личность*:

Задор у петуха, у курицы яичность.

Чаще всего в это время слово *личность* выражало значения: 1) `отношение одного лица к другому, личное пристрастие': *Никакая личность не должна быть терпима в службе*; 2) `колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбительный намек на какое-нибудь определенное лицо': Не должно употреблять личности» (сл. 1847, 2, с. 259). Ср. определение там же прилагательного личный', «Относящийся собственно к одному лицу. *Личные достоинства.Личная обида*».

Легко найти иллюстрацию этих значений слова *личность* в русском литературном языке XVIII — первой половины XIX в.

А. С. Шишков в своем «Опыте словаря» устанавливает такую связь значений между словами *лице* и *личность*: «Поелику лице человеческое есть первейшая и главная часть тела его, того ради часть берется оное за всего человека; люди бывают различных состояний, званий, достоинств, имеют разные между собою связи; а потому и слово *лице*, приемлемое в смысле всего человека, изображает иногда те ж самые понятия, какие относятся к самому человеку; в таком разуме говорится: Он представляет *лице* судии. Я не смотрю ни на какое *лице*... Отсюду происходят слова *личность*, то есть пристрастие наше к самому себе или к другому лицу или человеку; *лицеприятие*, то есть прием лица в суде или ином каком деле, паче по знакомству его с нами, нежели по правде и совести» (Шишков, Рассужд. о ст. и нов. слоге, с. 245—246).

В «Путешествии из Петербурга в Москву» («Торжок») А. Н. Радищева: «Если же называть его станет именованиями смрадными и бранными словами поносить, как то на рынках употребительно, то сие есть *личность*, но язвительная и недозволенная». В письме И. А. Крылова к Я. Б. Княжнину (1787—1788 гг.): «...вы можете выписать из сих карактеров все те гнусные пороки, которые вам или вашей супруге кажутся *личностию*...» (Л. Н. Майков. Историко-литературные очерки. СПб., 1895, с. 21). В письме того же И. А. Крылова к П. А. Соймонову (1789—1790 гг.): «...я не думаю, чтобы вы подлинно почитали *личностию* комедию на дурные нравы... вы сколько меня огорчили, столько обидели г. Княжнина, который, как разумный человек, конечно, сам, увидя ее, не признает *личностию* на себя и не воспротивится, чтоб она была на театре» (там же, с. 29); «...сия комедия не была и прежде *личною*» (там же, с. 29).

У А. С. Пушкина в эпиграмме:

Нельзя писать: Такой-то де-старик,

Козел в очках, плюгавый клеветник,

И зол, и подл: все это будет *личность*.

У В. И. Даля в повести «Отец с сыном»: «Если б мы стали рассказывать, где и как он служил и почему не ужился ни тут, ни там, то, чего доброго, это приняли бы за *личности*...» (Даль 1897, 1, с. 128).

У А. А. Бестужева-Марлинского в письме к Н. А. Полевому от 1-го января 1832 г.: «Да и кто у нас пишет? Или жители гостиных, которые раз в год прислушиваются к языку народа в балаганах, и рады-рады, что выудят какое-нибудь пошлое выражение, с которым носятся словно с писаною торбой. Это у них родимое пятнышко на маске. Весь прочий язык — сметана с разных горшков: что-то кисло-сладкое, плавающее в сыворотке бездарности, и все это посыпано свинцовым сахаром *личности* [т. е. едких намеков на

кого-нибудь. — *В. В.*] или солодковым корнем лести: прекрасное лекарство от кашля, не от скуки» (Русск. вестник, 1861, март, 32, с. 318—319).

У Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» (т. 1, гл. 9): «Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек, это уже и *личность*; вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: «Ведь я тоже человек, стало быть, я тоже глуп», — словом, вмиг смекнет, в чем дело». У Гоголя в письме к С. П. Шевыреву от 28 февраля 1848 г.: «Разве ты не видишь, что еще и до сих пор все принимают мою книгу за сатиру и *личность*, тогда как в ней нет и тени сатиры и личности...» (Русск. писатели о лит-ре, 1, с. 318).

В этом старинном значении слово *личность*, чаще во множ. числе — *личности*, продолжает употребляться почти до самого конца XIX в., особенно в языке людей, принадлежащих к поколению 30—40-х годов.

В рассказе Некрасова «Без вести пропавший пиита»: «... вы узнаете, что в вашем последнем сочинении выведены известные лица, которых сходство изумительно; одним словом, вас обвиняют во всем том, чтомы разумеем под словом л и ч н о с т и ». В письме Некрасова кн. В. Ф. Одоевскому от 10 января 1860 г.: «Как бы я бесился и сожалел завтра, если б прочел сегодня Филантропа и подал нашей публике, которая ужасно наклонна всюду видеть *личности*, повод к разным глупым толкам». У И. А. Гончарова в письме А. Ф. Писемскому от 4 декабря 1872 г.: «Но Вы слишком уважаете искусство и себя, чтобы уронить себя до *личности* и пасквиля» (Русск. писатели о лит-ре, 1, с. 398).

Но, по-видимому, в широком употреблении в 60—70-е гг. это значение начинает все более заслоняться новым значением слова *личность* (`лицо, человек'). Например, у И. Г. Прыжова в статье «Смутное время и воры в Московском университете» (1868): «Не думая касаться ничьих *личностей*, по очень простой причине, что совсем не знаем людей, о которых будем говорить...» (Прыжов, с. 398). Ср. каламбур И. С. Тургенева, переданный Н. Златовратским (в мемуарных очерках «Из литературных воспоминаний»): «...вместо того, чтобы нам, романистам, пыжиться и во что бы то ни стало выдумывать ”из себя“ современных героев, — взять, знаете, просто, самым добросовестным образом биографию (а лучше, если найдется автобиография) какой-нибудь выдающейся современной личности и на этой канве уже выводить свое художественное здание. Конечно, при условии, что из этого не выйдет ”*личностей*“!..» (Русск. писатели о лит-ре, 1, с. 329).

Таким образом, в слове *личность* прежде всего выступает значение отношения к физическому или социальному лицу. Это слово становится элементом официально-юридической и общественно-деловой терминологии с начала XVIII в. Но тогда же — в начале XVIII в. — намечаются пути более широкого психологического использования этого слова.

7.

Понятие личности начинает раскрываться в начале XIX в. со стороны правовой. Личность — это гражданские права всякого отдельного человека, личное достоинство особи. Личность пока еще осталась в ее родовом понятии, в ее общей и отвлеченной основе, одинаковой у всех людей. Все частное, своеобразное, все то, чем один человек отличается от другого, все оригинальное — еще не связывалось с идеей личности.

В «Записках» Н. В. Веригина (1796—1872): «В обществе людей есть три силы или три *личности*: *личность* денежная, *личность* служебная и, наконец, *личность* собственных достоинств. Из этих *личностей* самая сильная *личность* денежная, за ней служебная и

после всего голая *личность* достоинств» (Русск. старина, 1892, окт., с. 78). В письме А. А. Бестужева-Марлинского к Ф. В. Булгарину от 21 февраля 1834 г.: «...даровав мне *личность* гражданина и воина, он не отнял бы дарованных с нею прав не только подразумеваемых, но явно выраженных» (там же, 1901, январь — март, февраль, с. 402).

Есть основание думать, что это отвлеченное значение могло развиться и во всяком случае укрепиться на почве русского официально-делового значения: `личное достоинство', распространившегося в конце XVIII — начале XIX в.

Ср. у Некрасова в рассказе «Без вести пропавший пиита»: «Вспомните, сударь, что вы давича говорили: вы оскорбили мою *личность*!

— *Личность*! — сказал я в испуге, и бросился к дверям... Это слово всегда имело на меня такое действие...» (Некрасов 1930, 3, с. 49).

Но в словаре 1847 (2, с. 259), отражающем русский язык первой четверти XIX в., это значение слова *личность* не отмечено.

8.

В литературно-книжном употреблении, не находившем отражения в толковых словарях, недовольно широко распространенном, слово *личность* продолжало развивать и свои отвлеченно-философские значения: `индивидуальные, личные свойства кого-нибудь, индивидуальность, самостоятельность, самобытность (отдельного существа или социальной группы)'.

Эти значения нашли себе опору в языке Карамзина. Так, в «Письмах русского путешественника» (Мейсен, июля 13 дня) передается разговор русского путешественника с немецким студентом: «Глаз, по своему образованию, не может смотреть на себя без зеркала. Мы видим себя только в других предметах (unser Ich siehet sich nur im Du). Чувство бытия, *личность*, душа, все сие существует только потому, что вне нас не существует, по феноменам или явлениям, которые, (кажется) до нас касаются...» (Карамзин 1984, с. 57 и 415 (примеч.); ср. также: А. Старчевский. Николай Михайлович Карамзин. СПб., 1849, с. 34). В предисловии ко второй части «Аонид»: «Горесть надобно означить не только общими чертами, которые, будучи слишком обыкновенны, не могут производить сильного действия в сердце читателя, но особенными, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам поэта. Сии-то черты, сии подробности и сия, так сказать, *личность* уверяют нас в истине описаний». В предисловии к «Истории государства Российского»: «Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; *личность* каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя» (Карамзин 1903, 1, с. 14).

В переводе И. И. Мартынова «Философических уединенных прогулок» Жан-Жака Руссо (СПб., 1802, ч. 1, с. 30): «Весь находясь в настоящем, я ничего не помнил; не имел никакого отдельного понятия о моей личности, ни малейшей идеи о случившемся со мною; не знал, кто я, где я; не чувствовал ни боли, ни страха, ни беспокойства». Ср. в «Сыне Отечества» (1825, ч. 102 «О духе поэзии XIX в.», с. 288): «Что наиболее отличает мечтательную Поэзию, принадлежащую эпохе нашей, что придает ей совершенно особые черты — так это ее *личность*, т. е. выражение личных положений и ощущений автора, если порой она и касается до других предметов, то это с соприкосновенной только к нему стороны» (Сиповский, ч. 1, с. 288). У А. С. Грибоедова в его заметке «По поводу ”Горя от ума“» (1824 г.?): «В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне

выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, — но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной — дар, искусство; с другой — восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственной *личностью*, нежели автором и его произведением?» (Грибоедов, 1917,3, с. 101).

В письме-доносе Я. И. Ростовцева в. кн. Николаю Павловичу о заговоре декабристов (12 декабря 1825 г.): «Не почитайте меня коварным доносчиком, не думайте, чтоб я был чьим-либо орудием, или действовал из подлых видов моей *личности*, — нет» [т. е. моих личных выгод. — *В. В.*] (Русск. старина, 1889, сент., с. 634). У П. А. Вяземского в письме А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 27 ноября 1826 г.: «Ты видишь, я все тот же литературный doctrinaire и не отступаю, что бы ни было, от своих заповедей. Но в самом деле, надобно же в авторском звании, как и в другом, отстаивать свою dignité, свою *личность*...» (Архив бр. Тургеневых, 6, 1, с. 50). У него же в письме к тому же А. И. Тургеневу от 1 января 1829 г.: «На губернаторском месте весь человек на виду, и присутствие честного, образованного человека уже есть благо, хотя и бесстрастное, но не менее того существенное. В других отраслях, где круг и возвышеннее, но однако же ограниченнее, определеннее, там влияние *личности* слабеет (там же, с. 74—75). У А. Н. Вульфа в Дневнике 1827 г.: «Возьмите несколько человек со всех концов земли, всех степеней образованности, всех исповеданий веры, исключите их из остального мира, подчинив одному образу жизни. Что выйдет? Одинакие занятия, одинакая цель жизни, радости, печали и вообще все, что они будут чувствовать, касающееся их вех, а не одного из них, даст им всем одну отличительную черту, один характер, общий всем, но составленный из *личности* каждого (таково было начало каждой народности)» (Вульф, с. 134).

Ср. у А. С. Пушкина в замечаниях о Вяземском как журналисте («О статьях князя Вяземского»): «Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но кн. Вяземский может смело сказать, что *личность* его противников никогда не была им оскорблена...». В «Дневнике» В. К. Кюхельбекера под 17 декабря 1831 г.: «...самые предметы Байрона и Пушкина малы и скудны (хотя и это дело не последнее), а главное, что они смотрят на европейский мир, как судьи, как сатирики, как поэты-описатели: *личность* их нас беспрестанно разочаровывает, — мы не можем обжиться с их героями, не можем забыться» (Русск. старина, 1875, 13, с. 490—491). В «Русском Жилблазе» Ген. Симоновского (ч. 2, с. 138): «Тогда-то я вспомнил слова отца: ”Опытность достигается собственною *личностью*“». У И. С. Тургенева в рецензии на перевод «Вильгельма Телля» Шиллера (1843): «Дух (*личность*) переводчика веет в самом верном переводе, и этот дух должен быть достоин сочетаться с духом им воссозданного поэта» (Русск. писатели о лит-ре, с. 367). У Н. В. Гоголя в письме к Плетневу от 4 декабря 1846 г. (о «Современнике»): «...писатель этот [Даль] более других угодил *личности* моего собственного вкуса и своеобразью моих собственных требований» (там же, с. 307).

У Н. И. Греча в «Записках о моей жизни»: «Составился заговор для спасения России отрешением Павла. Участники его обратились к Александру и, представив все бедствия, терзающие Россию и угрожающие ей в будущем, вынудили его согласие на низложение императора, но с клятвенным обещанием щадить его жизнь и *личность*». (Греч, Записки, с. 192).

У И. И. Лажечникова в «Ледяном доме»: «*Личность* его светлости с этой стороны не обезопасена; а кто не знает, что *личность* временщика идет впереди всего? Не беда сделать цыганку преступницей, навалить ей на плеча два-три злодеяния!..» (ч. 2, гл. 2). «

— Милость моей государыни! — прервал с твердостию Волынской. — Я ни от кого, кроме ее, их не принимаю. Вы изволили, конечно, призвать меня не для оценки моей *личности*, и здесь нет аукциона для нее...» (там же, ч. 2, гл. 7). «Свет! это завистливое собрание *личностей*, готовое оклеветать все, что только делается не для каждой из них, и поднять до небес все, что ей льстит!» (там же, ч. 3, гл. 9).

В письме В. Г. Белинского В. П. Боткину от 15—17 марта 1847 г. (о Гончарове): «Мне кажется, что его особенность, так сказать *личность*, заключается в совершенном отсутствии семинаризма, литературщины и литераторства, от которых не умели и не умеют освобождаться даже гениальные русские писатели» (ср. В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов в кругу современников. Л., 1938, с. 9). У А. Н. Островского в рецензии на повесть Е. Тур «Ошибка» (1850): «В иностранных литературах (как нам кажется) произведения, узаконивающие оригинальность типа, то есть *личность*, стоят всегда на первом плане, а карающие *личность* на втором плане, и часто в тени; а у нас в России наоборот» (Островский 1924, 10, с. 503).

9.

В русском литературном языке начала XIX в. замечается колебание в формах выражения понятия личности. С одной стороны, употребляются термины, полученные в наследство от XVIII в.: церковнославянские — *существо*, лицо, создание, человек, западноевропейское — *характер*[12].

Ср., напр., употребление слова *существо* у И. В. Киреевского в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина»: «Любимая мечта британского поэта есть *существо* необыкновенное, высокое. Онегин есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное» (Киреевский, 1, с. 15—16).

В 10—20 годах понятие личности выражается также заимствованными словами — *индивидуальность, индивидуй*, позже *индивидуум*.

В письме Н. И. Тургенева А. И. Тургеневу от 18 августа 1826 г.: «Я не вижу в бывших обществах той важности, которую видят другие. Если были преступные замыслы, то они принадлежали лицам, *индивидуам*, а не обществу» (Архив бр. Тургеневых, 1, с. 385). В письме его же от 23 ноября 1826 г.: «...недовольно отделены дела общества от дел членов индивидуально, так что все замыслы *индивидуов* приписываются обществу» (там же, с. 389).

У А. И. Тургенева в письме кн. Вяземскому от 27 апреля 1833 г.: «Каждое семейство, а иные думают, что и каждый individu имел свою гробницу, глубоко под землею, с особым входом!..» (там же, с. 213).

В письме И. В. Киреевского от 14/26 марта 1830 г.: «[Гегель. — *В. В.*] особенно был для меня поучителен своею *индивидуальностью*» (Киреевский, 1, с. 48).

---

[12] Слово *характир*, как грецизм, в древнерусской письменности употреблялось в значении: `начертание, знак написанный или вырезанный, примета'. Ср. *характирный* — `особливую примету имеющий' (Алексеев П., Сл., ч. 3, с. 232). В «Письмовнике» Н. Курганова: «Характер, характір — знак, достоинство, качество, чин, слово, буква» (ч. 2, с. 270).

В 30-х годах XIX в. для выражения понятия *individuum* в философском языке любомудров употребляется также калькированное слово *неделимое* (в 60-х годах XIX в. — *особь*). Например, у Н. В. Станкевича в письме А. М. Неверову («Моя метафизика»): «Целое природы составлено из *неделимых*; каждое *неделимое* живет на основании общих законов, есть часть общей жизни природы... В каждом неделимом жизнь эта действует независимо от него, всегда почти без его сознания и всегда без его воли, повинуясь себе самой, своим законам, которые вечны и непреложны, следоват. составляют сущность ее. Многие *неделимые* не сознают себя, но жизнь, во всех их распространенная, сознает себя, ибо действует целесообразно (zweckmäßsig), следовательно, есть разумение» (Анненков, ч. 2, Переписка, с. 18; ср.: Западники 40-х годов, с. 23).

В Дневнике А. В. Никитенко под 1841 г. (28 июля): «Ныне в моде толковать о судьбе целого, о «мировом» и т. д. Правда, мы видим, что сама судьба *неделимое* приносит в жертву целому. Но это ее неисповедимая тайна. Для нас же, что это как не соблазн и не камень преткновения? Целое есть отвлеченная идея. Не целое живет, а живут *неделимые*, которые одни могут страдать или не страдать. Заботьтесь же о *неделимых*, а целое всегда будет, так или иначе хорошо, независимо от вашей воли» (Русск. старина, 1889, ноябрь, с. 330). В статье «О новейших системах Метафизики в Германии» (Вестник Европы, 1823, июль — август): «Когда делаем отвлечение от Я, или от сознания того или другого определенного существа; тогда де лаем отвлечение от себя, как *неделимого*...» (с. 32). «Каким образом можно быть уверену в предохранении себя от обмана и не ощущать существ *неделимых*, особенных тогда, как думаешь ощущать бытие или жизнь всеобщую?» (с. 55).

Вся фразеология общественно-философской публицистики 30-х годов, не без влияния немецкой идеалистической философии, как бы направлена к слову *личность*. Это слово предполагается, внушается даже в тех случаях, когда его нет, когда оно еще не сложилось. Вот несколько цитат из статьи студента Московского университета Николая Сазонова (Уч. зап. Моск. унив., 1835, т. 9): «Во всех странах Европы началось совместное изучение внутренней жизни духа и развития человечества в истории, и плодом этого изучения было открытие закона последовательного совершенствования человека, руководимого Божественным Промыслом. В искусстве отразилось также всюду направление психологическое и историческое...» (Милюков, Главные течения русск. историч. мысли, с. 263). Все человечество уподобляется личности. «История, — писал М. Н. Погодин, — должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека, и представить биографию этого человека, через все степени его возраста» (там же, с. 330). К. Н. Лебедев в своей работе «История» (М., 1834, с. 35) заявляет: «человечество есть человек, воля его есть воля *неделимого*» (т. е. *индивидуума*).

В книге К. П. Зеленецкого «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов» (М., 1836) читаем, что «вся жизнь народа должна состоять в исключительном развитии одной из стихий человечества в известный период жизни всего последнего». «Сие-то преимущественное, исключительное начало в истории народа сообщает ему особый его характер, *неделимость*, национальность и отличает его всем этим от других народов» (с. 58—59).

10.

Позже, в 20—30-х годах, значение слова *личность* осложняется. Оно расширяется на основе синонимических терминов: *неделимое*, *индивидуум*, *индивидуальность*. Личность — это монада, по-своему, единственно ей свойственным образом воспринимающая и отражающая в себе мир.

В. А. Жуковский в письме к Г. Рейтерну от1830 г. ставит слово *личность* в синонимическую параллель со словом *индивидуальность*: «Не надо подражать ни Рафаэлю, ни Ван-Ейку, ни Мурильо; надо изучать природу... Правда, *личность* (*индивидуальность*) художника выражается всегда в его произведениях, потому что он видит природу собственными глазами, схватывает собственною своею мыслью и прибавляет к тому, что она дает, кроющееся в ее душе. Но эта *личность* будет не что иное, как душа человеческая в душе природы; она является для нас голосом в пустыне, который украшает и оживляет ее» (Русск. вестн. 1894, № 9, с. 233; ср.: Русск. писатели о лит-ре, 1, с. 82).

В рецензии на сборник «Сто русских литераторов» (2, 1841) по поводу «Воспоминаний о моем приятеле» А. С. Шишкова В. Г. Белинский высказал свою точку зрения на роль иноязычных заимствований, доказывая их неизбежность для выражения новых понятий, уже сформировавшихся в других языках. Между прочим, Белинский писал, что нередко иностранные слова, «удерживаясь вместе с оригинальными, заключают некоторый оттенок в выражении при одинаковом значении, как слова: *народность* и *национальность*, *личность* и *индивидуальность*, *природа* и *натура*, *нрав* и *характер* и пр.».

Таким образом, в русском литературном языке20—30-х годов XIX в. начинает формироваться новое значение слова *личность* (в соответствие отвлеченным понятиям, развившимся в немецком философском языке: Persönlichkeit, Individualität; ср. франц. personnalité). *Личность* становится выражением человеческой индивидуальности, отдельного человеческого «я» как носителя социальных и субъективных признаков и свойств.

Ср. у А. И. Герцена в Дневнике (под4 мая 1844 г.): «В логике слова: Gott, Geist, übergreifende Subjektivität, вовсе не значат eine bestimmte Persönlichkeit, eine Individualutät; индивидуальность подчинена категории времени, она употребляет это слово *persona* moralis, как дух такого-то народа, такой-то эпохи» (Западники 40-х годов, с. 223).

М. В. Юзефович в своих воспоминаниях о Пушкине (Русск. архив, 1880, № 3) писал: «Пушкин принадлежал к тому времени, когда началась пересадка к нам западных идей о человеческой *личности*... Но в нашем историческом строе обособиться *личности* было некуда и потому ей пришлось ограничиваться только внешнею оболочкой. Явились у нас Онегины, Чацкие, Герои нашего времени... Явились и более легкие проявители своей *личности* — подражатели Давыдовским кутящим гусарам... Таков у нас был ход развития идей о человеческом достоинстве и о личном праве» (Пушкин в воспоминаниях, с. 475).

Идея личности занимала одно из центральных мест в идеалистической философии начала XIX в. и в поэтике романтизма.

В20—30-е годы XIX в. понятие личности включает в себя новые признаки. Прежде всего *личность* соотносительна с представлением об обществе, народе. Тут — поле действия своеобразной философской антиномии *личностного*, *индивидуального*, *неделимого* и *общего*, *общного* (ср. хотя бы в работах В. Гумбольдта). С другой стороны, понятие личности связано с представлением о внутреннем единстве, неделимости и цельности отдельного существа, о его индивидуальной неповторимости. По мнению романтических философов и художников начала XIX в., убеждение, что «раздельная *индивидуальность* есть только проявление условного бытия духовных существ», поддерживается в нас свойственным человеческой природе зародышем неугасимой жажды (Sehnsucht) *цельности*. «Предчувствие *цельности* (Totalität) и стремление к ней дано непосредственно вместе с чувством *индивидуальности* и усиливается по мере

возрастания этой последней, так как во всяком отдельном лице только односторонним образом развивается общая сущность (Gesammtwesen) человека»[13].

По словам В. Гумбольдта, в *индивидуальности* лежит тайна всякого существования. «Можно говорить об *индивидуальности* не только человека, но и целого народа, как носителя идей. Идеи могут довериться только духовной *индивидуальной* силе; они не существуют сами по себе, а осуществляются в каждом отдельном *индивидууме*. Каждый человек — это проявленье, коренящееся в идее. Идея принимает лишь форму *индивидуума* (чтоб в нем сотвориться)»[14].

В русском литературном языке20—30-х годов не было другого слова, более подходящего, чем *личность*, — для выражения этого нового понятия.

Известно, какую громадную роль понятие личности (*Persönlichkeit*) играло в философии Гегеля, особенно в философии права. «Воля прежде всего объективирует себя в идее *личности* и в идее непосредственного обладания внешним объектом. Права *личности* и собственности — первая ступень развития воли. Это — ступень абстрактного права» (Die Philosophie des Rechts, 34—104).

На изменение значения слова *личность* особенно влияла философская терминология, складывавшаяся в интеллигентских кружках 30—40-х годов под влиянием систем Фихте, Шеллинга и Гегеля. А. И. Герцен в «Былом и думах» писал о членах кружка Станкевича: «Люди, любившие друг друга, расходились на целые недели, не согласившись в определении ”перехватывающего духа“, принимали за обиды мнения об ”абсолютной личности и о ее по себе бытии“». Любопытно, что впоследствии Н. В. Шелгунов именно влиянию Герцена склонен был приписать внедрение понятия о личности в русское общественное сознание. В своих воспоминаниях «Из прошлого и настоящего» он писал: «Конечно, не Писарев и не Зайцев создали вопрос о *личности*; еще за много до них этот вопрос нашел в Герцене даровитого исследователя и популяризатора, как в том, что он писал в России, начиная с « К т о в и н о в а т ?», так и в том, что он писал за границей. Мне случалось встречать многих, теперь уже сорока и сорокапятилетних людей, которые именно из Герцена усвоили себе теорию *личности*...» (Шелгунов, Воспоминания, с. 182).

Не подлежит сомнению, что понятие личности было одной из центральных идей в мировоззрении Н. В. Станкевича. В одной из своих заметок 30-х годов он писал против того воззрения, согласно которому провозглашается «ничтожество всего единичного перед одною силою: одно есть — все единичности ложь и погибают в этой истине. Все одно есть род, которого жизнь есть смерть всего живого. Было время, когда это воззрение хотели сделать господствующим в философии и видели что-то грандиозное в этой жизни общего, забывая, что здесь гибель *личности*, следственно, и духа, и что это одно, неживущее, безличное, есть только как понятие, следовательно, зарождается в лице, в духе» (Западники 40-х годов, с. 57).

---

[13] W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. — Gesammelte Werke, Bd. VI, S. 31.

[14] W. von Humboldt. Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. — Gesammelte Werke, Bd. I, Berlin, 1841, ss. 1—29.

В. Ф. Одоевский в «Записной книге 1829—1831 гг.» шеллингианские идеи о двух началах человеческой природы — «*индивидуальности* и *общности*»: «... душа равна у всех людей, но различны *индивидуальные* характеры, сквозь которые мы ее видим» (Замотин, с. 404). «Каждая система, каждое произведение, взятые отдельно, могут быть ложными или безобразными, истинными или изящными, ибо они выражают *индивидуальный характер* лица; но все системы вместе, все произведения поэзии не могут быть ни истинными, ни ложными, ни изящными, ни безобразными, — они, как творец вселенной, не имеют *индивидуального характера*. Оттого душа человека (по своей *общности*) божественна» (там же, с. 406). Поэт, «пораженный сильным впечатлением, должен писать тотчас, не медля, и из его темной мысли разовьются новые явления для него самого неожиданные, крывшиеся в *индивидуальности* его *духа*» (там же, с. 408). «Жизненная сила *индивидуумов* в обществе, как жизненная сила ячеек в организме» (там же, с. 434). Эстетическая деятельность, характеризующаяся вдохновением, «проникает до души непосредственно» и, способствуя «возвышению *индивидуального духа*», «увеличивает его самобытную деятельность» (там же, с. 436).

В языке П. А. Вяземского ярко отражается эволюция значений слова *личность*. Так, в ранних заметках, внесенных в «Старую записную книжку», это слово употребляется в смысле: `личное неудовольствие, личный выпад'. Напр.: «Да у тебя, верно, какая-нибудь *личность* против Крылова» (Вяземский 1878—1896, 8, с. 148). Но затем слово *личность* обслаивается новыми значениями и оттенками. «Как единичная *личность*, как часть общества, он понимал обязанности по крайней мере внешне приноравливаться к ней [власти общественного мнения]...» (там же, с. 237). «Творения прежних писателей отзывались более или менее *личностью* их; слог их было чистое зеркало, которое отражало их самих внешне и внутренне» (там же, с. 309). «У каждого будет свой склад, своя, так сказать, физиономия; каждый внесет в общее дело долю *личности* своей...» (там же).

Очень резко это смысловое обогащение слова *личность* проявляется в языке И. В. Киреевского. В статье «Обозрение русской словесности за 1829 год» слово *личность* употребляется в старинном значении: «Самые перебранки наших журналов, их неприличные критики, их дикий тон, их странные *личности*, их вежливости негородские, — все это было похоже на нестройные движения распеленатого ребенка, движения необходимые для развития силы, для будущей красоты и здоровья» (Киреевский, 1, с. 19). В это время для выражения понятия личности И. В. Киреевский пользуется словами: *индивидуальность*, *существо*. Но уже в статье «О стихотворениях г. Языкова», относящейся к первой половине 30-х годов (1833—1834 гг.), как бы намечается новое значение слова *личность*: «... критика произведений образцовых должна быть не столько судом, сколько простым свидетельством; ибо зависит от *личности*, и потому может быть произвольною, и основана на сочувствии, и потому должна быть пристрастною» (там же, с. 132).

В. Г. Белинский писал по поводу выхода в свет «Стихотворений Лермонтова», ч. 4 (СПб., 1844): «Теперь сделалось очень трудным выйти в таланты: мало таланта формы, мало даже фантазии — нужен ум, источник идей, нужна богатая натура, сильная *личность*, которая, опираясь на самую себя, могла бы властительно приковать к себе взоры всех. Вот что нужно теперь, чтобы иметь право называться поэтом. После Пушкина таким поэтом явился Лермонтов» (Белинский 1875, ч. 9, с. 177—178).

Как известно, в мировоззрении В. Г. Белинского в самом конце 30-х годов произошел перелом. Белинский осознает необходимость переустройства общественных оснований для освобождения личности «от гнусных оков неразумной действительности», от

преданий и предрассудков варварских веков. Судьба субъекта, индивидуума, личности становится для него важнее судеб всего мира. В письме к В. П. Боткину от 16 декабря 1839 г. Белинский писал: «Мир древний жил в истории и искусстве и пускал в трагедию только царей, героев и богов, а новый мир начался словами: «приидите ко мне все страждущие и обремененные», — и Тот, кто сказал их, возлежал с мытарями и грешниками, Бога назвал отцом людей, а людей — братьями друг другу. Оттого в новую трагедию вошли и плебеи и шуты, ибо героем ее стал человек как *субъективная личность* (Западники 40-х годов, с. 140—141). И далее в том же письме: «... права личного человека так же священны, как и мирового гражданина, и что кто на вопль и судорожное сжатие *личности* смотрит высоко, как на отпадение от общего, тот или мальчик, или эгоист, или дурак, — а мне тот и другой, и третий равно несносны» (там же, с. 141). В письме Боткину от 4—5 октября 1840 г.: «Меня теперь всего поглотила идея достоинства человеческой *личности* и ее горькой участи — ужасное противоречие!» (там же, с. 155).

В письме тому же Боткину от 15 января 1841 г.: «... все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки... Пора освободиться *личности* человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности...» (там же, с. 159).

Ср. в письме Боткину от 27—28 июня 1841 г.: «Во мне развилась какая-то... фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой *личности*... *Личность* человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума» (там же, с. 167—168). «Обаятелен мир древности. В его жизни зерно всего великого, благородного, доблестного, потому что основа его жизни — гордость *личности*, неприкосновенность личного достоинства» (там же). В письме от 8 сентября 1841 г.: «Что мне в том, что живет общее, когда страдает *личность*?» (там же, с. 169).

В письме тому же В. П. Боткину от 8 марта 1847 г.: «Русская *личность* пока эмбрион, но сколько широты и силы в натуре этого эмбриона, как душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость. Она боится их, не терпит их больше всего — и хорошо, по моему мнению, делает, довольствуясь пока ничем, вместо того, чтобы закабалиться в какую-нибудь дрянную односторонность. А что мы всеобъемлющи потому, что нам нечего делать, — чем больше об этом думаю, тем больше сознаю и убеждаюсь, что это ложь» (там же, с. 177).

Слово *личность*, понятно, в этой связи может обозначать и индивидуальный образ коллективного субъекта.

О. Бодянский в диссертации «О народной поэзии славянских племен» писал: «Жизнь народа имеет свою особенную физиономию, слагающуюся из его физических и душевных свойств. Когда народ развивает в своем существовании свою *личность*, свою особенность, он живет самобытно, своеобразно, народно, выражает своим бытием идею, какую предопределено ему вечным Промыслом осуществить своею жизнию. Эта-то идея, проявление всей своеличной жизни народа, устанавливаемая его религией, философией, нравами, обычаями, историей, местностью страны и ее свойствами, верованием, языком, бесчисленными житейскими условиями, и. пр., ни в чем так ярко, сильно, чисто, прочно и совершенно не выражается, как в словесности» (Бодянский, с. 7).

Ср. у А. С. Хомякова в статье «Мнение иностранцев о России» (1845): «Есть, конечно, некоторые мыслители, которые, проникнув в самый смысл науки, думают, что пора и нашему мышлению освободиться; что пора нам рабствовать только истине, а не авторитету западной *личности* (Хомяков 1878, 1, с. 16). У Г. З. Елисеева в статье

«Антонович и Жуковский в ”Современнике“»: «... в нем [в романе Тургенева ”Отцы и дети“. — *В. В.*], как показывает самое его название, ни какая *индивидуальная личность* не выдается за героя. Героями являются две *личности собирательные* — и отцы, и дети» (Антонович, Елисеев, с. 274).

11.

Основные этапы развития понятия личности, в общем, правильно намечены историками русской общественной мысли. В статье Е. Н. Михайловой «Идея личности у Лермонтова и особенности ее художественного воплощения», время и условия формирования понятия об индивидуальности, личности раскрываются довольно точно. Идея личности заявляет о себе еще в литературе XVIII в. Но ни у Радищева, ни у радищевцев, которые, борясь с трактовкой человека у поэтов классицизма, исходили из признания «естественных», «прирожденных» прав человека, «не было еще полноты понимания человека в его историческом бытии, как не было еще постановки вопроса о правах конкретной *индивидуальности*, — здесь был лишь ”человек вообще“, взятый в его идее, как абстрактная сущность.

Поэты-радищевцы и поэты-декабристы не преодолели классицизма до конца ни в идейном, ни в художественном отношении. Рационалистический пафос общего, не дифференцированность индивидуального начала от целого, абстрактность в понимании человека — все это связывало еще поэзию радищевцев и гражданскую лирику декабризма с литературой XVIII в. и с поэтикой классицизма» (Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1941, с. 126). «Открытие человека как существа чувственного и радующегося жизни, как нового Адама, проснувшегося среди прекрасного, цветущего мира, совершается в русском «неоклассицизме» 10-х и 20-х годов XIX в., в анакреонтической поэзии от Батюшкова до молодого Пушкина и его плеяды... Уже не Человек вообще, Человек с большой буквы, возвышающийся на пьедестале вселенной, но живой, чувствующий атом на фоне идеально облагороженного, эстетизированного человеческого мира делается выразителем самоутверждения *личности*... Лишь в последующей реалистической литературе, связанной прежде всего с именами Пушкина, Гоголя, зрелого Лермонтова, идея *личности* в ее общественном содержании получит свое глубокое и разностороннее воплощение... Исторические условия 30-х гг. XIX в. в особенности содействовали тому, что проблема *личности* стала в русской литературе тех лет формой выражения идей общественной борьбы» (там же, с. 126—128).

Понятие личности становится центральным в мировоззрении русского интеллигента 30—40-х годов. Слово *личность* выступает как сердцевина семантической системы интеллигентского языка. С точки зрения этого понятия в 40-е годы пересматриваются исторические, художественные, этические концепции. К. Д. Кавелин в 1846 г. пишет свою знаменитую статью «Взгляд на юридический быт древней России», в которой весь русский исторический процесс рассматривается как освобождение личности из-под спуда родовых, общинных, семейных отношений. Здесь слово *личность* является лейтмотивом. Кавелин выставил тезис: «... *личность*, сознающая, сама по себе, свое бесконечное, безусловное достоинство, — есть необходимое условие всякого духовного развития народа» (Кавелин, 1, с. 320). По Кавелину, понятие личности возникает в связи с появлением христианства. «Когда внутренний духовный мир получил такое господство над внешним, материальным миром, тогда и человеческая *личность* должна была получить великое, святое значение, которого прежде не имела. В древности, о человеке, помимо определений каст, сословий, национальностей и гражданства, не имели никакого понятия» (там же, с. 316). «Христианское начало безусловного достоинства человека и *личности*, вместе с христианством, рано или поздно, должно было перейти и в мир

гражданский» (там же, с. 317). По мнению Кавелина, в романо-германской цивилизации раньше всего развилось «глубокое чувство личности, но под грубыми, дикими формами» (там же, с. 318), которые постепенно разрушаются и совершенствуются. У русско-славянских племен был иной путь развития. Долгое время «начало личности у них не существовало» (там же, с. 320). Развитие нашего внутреннего быта «должно было состоять в постепенном образовании, появлении начала *личности*, и след., в постепенном отрицании исключительно кровного быта, в котором *личность* не могла существовать. Степени развития начала *личности* и совпадающие с ними степени упадка исключительно родственного быта определяют периоды и эпохи русской истории» (там же, с. 321). Борьба родового и семейственного, отчинного начала подготовляла почву для развития *личности*. «Конечно, *личность*, ища себе простора, часто порывала сети, которыми ее опутывали кровные отношения. Но выход из них был бессознателен, был нарушением закона, тяготевшего над целою жизнью» (там же, с. 347).

К XVII — XVIII вв. «древняя русская жизнь исчерпала себя вполне. Она развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. В строгой последовательности она провела Россию сперва через общинный быт, потом через родовой и семейственный... Последним ее усилием, венцом ее существования были первые зачатки государства и начало *личности*» (там же, с. 367). «В Петре Великом *личность* на русской почве вступила в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала *личности* в русской истории» (там же, с. 369). Рост начала личности сближает Россию с Европой, которая, «развивши начало *личности* донельзя, во всех его исторических тесных, исключительных определениях, ... стремилась дать в гражданском обществе простор ч е л о в е к у ...» (там же, с. 377). На этом фоне понятны и причины европейского влияния на нас в XVIII в. «Начало *личности* узаконилось в нашей жизни. Теперь пришла его очередь действовать и развиваться. Но как? Лицо было приготовлено древней русской историей, но только как форма, лишенная содержания... Сделавшись независимой не через себя, а как бы извне, вследствие исторической неизбежности, *личность* сначала еще не сознавала значения, которое она получила, и потому оставалась бездеятельною, в ладу с окружающею и ей не соответствовавшею средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная *личность* должна была пробудиться к действованию, почувствовать свои силы и себя поставить безусловным мерилом всего. Впрочем, вдруг она не могла сделаться самостоятельною, начать действовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имела никакого содержания. Итак, оно должно было быть принято извне; лицо должно было начать мыслить и действовать под чужим влиянием. Такое влияние было для него необходимо и благодетельно» (там же, с. 368).

Та же проблема выделения личности, индивидуума из народной общности, из собирательной массы народа, и на той же гегельянской философской почве, но в то же время по-иному, разрешается К. С. Аксаковым в его знаменитой диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846). К. С. Аксаков применяет общие принципы диалектического развития понятий к области литературного искусства и духовной культуры вообще. Закон развития гласит: «Общее, отрицая себя как общее, являясь как необщее, принимает характер необщего — *особности* (*Besonderheit*)...» Но далее по закону диалектического развития происходит отрицание отрицания — «... *особность* отрицается до *единичности* (*Einzelnheit*)...» (Аксаков К. Ломоносов в ист. русск. лит., с. 19—20). Однако в единичности общее находит вновь само себя, «находит свободу своего проявления». *Единое* есть вместе с тем и *индивидуальное*, следовательно, оно носит в себе невозможность повториться (там же, с. 24). «Этот путь отрицания имеет

место во всех сферах духа — всюду, где есть развитие» (там же, с. 21). Так, «Человек, как человек, как общее, не существует; оно отрицает себя, как общее, переходит в сферу *особности*: здесь на степени *особности* является он, как только ряд, собрание *индивидуумов*, как множество, здесь отношение чисто количественное. — В таком определении является нам человек, как народ, как нация... здесь на степени национальности, отрицается общее человека, и вместе он не имеет значения *индивидуума*, значения *единого*, которое является только в области *единичности*...» (там же, с. 25). Так обозначается путь от нации к индивидуальности, к личности. Это — вместе с тем путь от народной поэзии к литературе, где царит индивидуальное начало. «Из национального определения, где каждый имеет по стольку значения, по скольку он нация, — человек вырывается, исторгает себя, отрицает *особность* — национальность, и является как *единичность*, как *индивидуум*, значит как индивидуум, и вместе с тем, как человек вообще. Только с *единичностью* возможно проявление и общего, только с *индивидуумом* или с значением *индивидуума* (как *индивидуума*) возможно в народе общее человеческое значение.... *Индивидуум*, отрицая национальность, необходимо полагает ее в себе как момент, ею условливается. Период исключительной национальности проходит, *индивидуум* освобождается и в то же время освобождается человек вообще; но национальность, как необходимый момент, не теряет своего места, а только становится, как момент вечно пребывающий» (там же, с. 29). Человеку на ступени особности, человеку как нации — соответствует народная поэзия. «Здесь поэтов нет, здесь поэт — народ. Следовательно, везде, где есть народ, есть и национальная поэзия и народные песни» (там же, с. 28). «Здесь нет общечеловеческого содержания...; здесь нет и *индивидуальной* жизни человека, не допускаемой еще той же степенью» (там же, с. 27). Но с выделением *индивидуальности* «поэзия переходит в *единичность*... В области поэзии разрушается песенная сфера; освобождается дух, наконец могущий развить всего себя, всю глубину свою, все свое значение, и зиждет новую область, истинную область» *индивидуального* творчества — литературу (там же, с. 31). «... В литературе видим мы и общее (общечеловеческое), и национальность, и *индивидуальность* произведения; в *индивидуальном* произведении видим мы и общее содержание, и национальное определение, и в то же время *индивидуальное* значение» (там же, с. 34). «...С пробуждением в нем [народе] *индивидуальной* жизни увидим и пробуждение всех *индивидуальных* оттенков, неровностей, ошибок; разность *индивидуумов*, освободившихся теперь, их собственная неровная деятельность, — все это... является в сфере искусства...» (там же, с. 32).

К. С. Аксаков находит в русской истории параллелизм между развитием индивидуальности в общественно-политической сфере и между ростом индивидуального творчества в области искусства, между прочим, в области литературы.

«В период национальности [доXVII в. — *В. В.*] вырабатывалось политическое тело России» (там же, с. 44). В этот период национальности Россия, «пользуясь чисто внешним образом открытиями Европы», не приняла «в себя духа, их производившего. Россия оставалась в своей исключительной национальности, обезопасенная своим могуществом». Москва была центром России и вместе с тем «центром национального духа, ее оживлявшего» (там же, с. 45). «Должна ли была Россия вырваться из сферы исключительной национальности, должна ли была шагнуть за эту степень и стать на другую, высшую, где освобождается *индивидуум* и, вместе с освобождением *индивидуума*, не поглощаемого уже исключительно национальною жизнию, общее становится содержанием народа?» (там же, с. 45—46). По мнению К. С. Аксакова, зародыш нового индивидуального начала обозначается в Борисе Годунове. Так в народе «пробудилась потребность *индивидуума*, *индивидуум* в нем должен был освободиться. — И этот *индивидуум* восстал, как *индивидуум*, в колоссальном образе; не как просто потребность

индивидуальной жизни, разно выразившаяся, — нет, а воплощенный, как один *индивидуум*. Этот колоссальный *индивидуум* — был Петр» (там же, с. 54). В Петре обозначилось, вместе с выделением индивидуальности, отрицание национальности. «Ни один народ не отваживался на такое решительное, совершенное, строгое отрицание своей национальности, и потому ни один народ не может иметь такого общего, всемирно-человеческого значения, как русской. Такой смысл имеет в общем развитии Петербургский период» (там же, с. 59). Но Петр еще не мог возвести русскую национальную поэзию на ступень литературы. «Здесь должен был восстать *индивидуум*, поглощаемый до сих пор исключительно национальною сферою поэзии..; должен был возникнуть *индивидуум* в сфере поэзии, с именем, — автор, поэт; должен был явиться гений, с которым совершилось бы это освобождение, гений для нового великого момента в истории поэзии» (там же, с. 61). «Этот индивидуум, этот гений был — Ломоносов» (там же, с. 62). По мнению Аксакова, произведения Кантемира не были запечатлены его *личностию*. «Ломоносов был... первый восставший, как лице из этого мира национальных песен, в общем национальном характере поглощавших *индивидуума*; он был освободившийся *индивидуум* в поэтическом мире; с него началась новая полная сфера поэзии, собственно так называемая литература» (там же, с. 62).

12.

Слово *личность* становится особенно веским и боевым в 40-е годы. А. И. Герцен в статье «Несколько замечаний об историческом развитии чести» (1848) писал: «У человека вместе с сознанием развивается потребность нечто свое спасти из вихря случайностей, поставить неприкосновенным и святым, почтить себя уважением его, поставить его выше жизни своей. Пристально вглядываясь в длинный ряд превращений чтимого, мы увидим, что основа ему — не что иное, как чувство собственного достоинства и стремление сохранить нравственную самобытность своей *личности*» (Герцен 1915, 5, с. 212—213).

Ср. в показаниях Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев (1849 г.): «И в самом деле: зачем правому человеку опасаться за себя и за свое слово? Это значит полагать, что законы недостаточно ограждают *личность*, и что можно погибнуть из-за пустого слова, из-за неосторожной фразы» (Бельчиков, с. 78). Любопытно, что у Достоевского тут же встречается употребление слова *личность* в старом значении: «Ценсор во всем видит намек, заподозревает, нет ли тут какой *личности*, нет ли желчи, не намекает ли писатель на чье-либо лицо и на какой-нибудь порядок вещей» (там же, с. 82).

У Н. А. Некрасова в письме И. С. Тургеневу от 12 авг. 1855 г. — о Гоголе: «Как ни озлобляет против Гоголя все, что нам известно из закулисного и даже кой-что из его печатного, а все-таки в результате это благородная и в русском мире самая гуманная *личность*...» (Некрасов 1930, 5, с. 212). У Салтыкова-Щедрина в рецензии на Стихотворения А. Кольцова (1856): «Жгучее чувство *личности*, не умеренное благотворным сознанием долга, разрывает все внешние преграды и, как вышедшая из берегов река, потопляет, разрушает и уносит за собою все встречающееся на пути» (Салтыков-Щедрин 1905—1906, 5, с. 23). У Достоевского в романе «Униженные и оскорбленные» (1861) в речи кн. Валковского: «Не вздор — это *личность*, это я сам. Все для меня, и весь мир для меня создан» (Достоевский 1956, 3, с. 276).

С. П. Шевырев в «Очерках современной русской словесности» (Москвитянин, 1848, № 1, с. 35) писал: «Вопрос о *личности*, ее значении и действии в нашей литературе, есть один из деятельнейших в ней вопросов. Никогда еще так много о *личности* не говорили — и никогда так не вызывали ее к действию. Замечательна перемена, последовавшая даже в значении этого слова относительно к его употреблению. Прежде под именем *личности*

разумели оскорбление, наносимое лицу; в таком смысле говорили: ”Он сказал мне *личность*“. Теперь разумеют под именем *личности* все права человеческие лицана развитие и уважение». У И. С. Тургенева в статье «Поэтические эскизы» (1850): «Его [Познякова] произведения вы узнаете сразу: на них лежит печать *личности* (Тургенев и «Современник», с. 483).

У Н. А. Некрасова в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856):

Пускай ты верен назначенью,

Но легче ль родине твоей,

Где каждый предан поклоненью

Единой *личности* своей?

Ср. в дневнике Н. Г. Чернышевского (от10 декабря 1848 г.): «... жаль, очень жаль мне было бы расстаться с Иисусом Христом, который так благ, так мил душе своею *личностью*, благой и любящей человечество, и так вливает в душу мир, когда подумаешь о нем» (Чернышевский 1939, 1, с. 193). У И. Г. Прыжова в книге «Нищие на святой Руси» (1862): «... *личность* славянского певца окружена была тем же самым мифическим светом, как и у скандинавов» (Прыжов, с. 124). У Тургенева в «Переписке» (1855): «У нас, русских, нет другой жизненной задачи, как опять-таки разработка нашей *личности*, и вот мы, едва возмужалые дети, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную *личность*». У Достоевского в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (гл. 6): «... в братстве, в настоящем братстве, не отдельная *личность*, не Я, должна хлопотать о праве своей равноценности и равновесности со всем остальным, а все-то это остальное должно бы было само прийти к этой требующей права *личности*, к этому отдельному Я и само, без его просьбы должно бы было признать его равноценным и равноправным себе, то есть всему остальному, что есть на свете» (Достоевский 1956, 4, с. 106). Ср. здесь же: «... не только не надо быть *безличностью*, но именно надо стать *личностью*, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе» (там же, с. 106).

У Тургенева в статье «По поводу ”Отцов и детей“» (1868—1869): «Лишь одни избранники в состоянии передать потомству не только содержание, но и форму своих мыслей и воззрений, свою *личность*, до которой массе, вообще говоря, нет никакого дела. Обыкновенные *индивидуумы* осуждены на исчезновение в целом, на поглощение его потоком» (Тургенев 1961—1962, 10, с. 138). У Аполлона Григорьева в письме к М. П. Погодину (1859, «Моя исповедь»): «Достаточно было Терезе по душе, как с членом семейства, поговорить о болезни Софьи Юрьевны и о прочем, чтобы я помирился с нею душевно — уже не как с типом, а как с *личностью*...» (Ап. Григорьев, с. 212—213). У П. Д. Боборыкина в романе «На ущербе» (ч. 2, гл. 24): «... он... подсмеивался над своим недавним самогрызеньем, сознавал в себе свободную и самостоятельную *личность*» (Боборыкин 1897, 5, с. 250). «Вы как будто стыдитесь настоящей стадии поглощения вашей *личности* женщиной? — спросил Гремушин...

—... поглощение, как вы называете, моей *личности* держит меня в душевном состоянии, чуждом мне, смешном, унизительном именно для меня» (там же, ч. 3, гл. 15, с. 319). В повести того же Боборыкина «Обречена» (гл. 28): «Вам не стыдно так говорить? Но вы — *личность*!... Вы можете сейчас же, если пожелаете, рвануться на волю. Вы — умница, с избранною натурой, с силой обаяния и красоты!» (там же, 6, с. 109).

В 60-х годах слово *личность* наполняется новым общественно-политическим содержанием. Н. В. Шелгунов так писал об этом в своих «Воспоминаниях»: «А между тем освобождение и новый суд, а потом и земские учреждения открывали очень широкий простор для новых вопросов и идей, непосредственно с ними связанных и как бы на время заслоненных таким грандиозным делом, как освобождение. Этим новым очередным вопросом было выяснение *личности*, ее положения, ее развития, ее общественного сознания и вообще ее внутреннего значения, содержания и отношения к обществу и к общему прогрессу. До сих пор, думая о реформах и переменах в учреждениях, как бы забывалось, что их на своих плечах должна вынести *личность*: говорили только о новых мехах, до времени умалчивая о вине... Итак, *личность*, как *личность*, не составляла задачи «Современника», и задача эта досталась на долю той последующей журналистики, для которой реформы и ближайшие, связанные с ними вопросы являлись уже чем-то прошлым. Для этой части журналистики настоящее заключалось в вопросе о *личности*, которой теперь, как кажется, и наступила очередь занять главное внимание общества. Любопытно, что Н. Г. Чернышевский в это же время, когда Писарев выступил с разрешением личных вопросов в «Русском слове», написал «Что делать» — роман, специально посвященный вопросу о личном счастье и лучшем личном устройстве жизни. Очевидно, что в новом движении его мысли была логическая связь с предыдущим движением» (Шелгунов, Воспоминания, с. 181—182). Ср. в тех же «Воспоминаниях» Н. В. Шелгунова: «Считая умную и развитую *личность* основанием всякого порядочного общежития, Писарев заботится только о ней и думает, что всякое другое понимание общественно-критических задач не приведет ни к чему... Если у нас есть только *личность*, но нет общества, то как же судить об обществе, как наблюдать за проявлениями его жизни, когда общества нет и когда жизнь общества ни в чем не проявляется?» (там же, с. 185).

Ср. противопоставление слов *особь* и *личность* у А. Чужбинского в очерке «Самодуры»: «... лет тридцать назад по степным захолустьям самодурство доходило до такого безобразия, что теперь становится решительно непонятным, как общество, гордившееся уже Пушкиным и Грибоедовым, по наружности сходное с европейским, могло терпеть в себе *особей*, для которых не существовали ни закон, ни приличие, ни уважение чужой *личности*» (Чужбинский, с. 73). «Большинство этих *особей*... имело свою точку самодурства...» (там же, с. 79).

13.

В связи с новыми значениями, которые приобретают слова *личность*, *лицо*, находится образование прилагательного *безличный* и глагола *обезличить*. *Обезличить* возникает не раньше 30—40-х годов XIX в. В. Г. Белинский писал: «Общее поглощает его дух и, так сказать, *обезличивает* его индивидуальность» (Белинский 1914, 1, с. 109).

Обезличить первоначально имело одно значение: `лишить индивидуальных особенностей, отличительных свойств, сделать безличным'. Ср., напр., у Д. И. Писарева о «Евгении Онегине»: «... жизнь старается *обезличить* его самого и переработать по общей, казенной мерке весь строй его убеждений». У Марко Вовчок («Живая душа», ч. 4, 1): «Она до того была порабощена и *обезличена* матерью, что не строила никаких планов освобождения». Ср. у Добролюбова в статье «Темное царство»: «[Самодурство] ведет по малой мере к *обезличению* людей, подвергшихся его влиянию». У Н. Г. Помяловского в романе «Брат и сестра» (в отрывке «Андрей Федорыч Чебанов»): «... он получил то странное, *обезличивающее* воспитание, которое встречается только у русских богатых и так называемых образованных бар» (Помяловский 1965, 2, с. 261).

Слово *безличный* даже в словаре 1847 г. (1, с. 32) определяется лишь со стороны его грамматического значения: «Употребляемый только в третьем лице. Слова: *можно*, *надлежит*, суть глаголы *безличные*». Тут же приводится наречие *безлично*, в котором, наряду с грамматическим значением, отмечается еще другое: «Не относя к какому-либо лицу».

Однако в русском литературном языке конца 20-х— начала 30-х годов уже встречаются слова *безличный*, *безличность* в их современном значении. Например, у В. И. Киреевского в «Обозрении русской словесности за 1829 год»: «И чем обязана Ифигения [Гете. — *В. В.*] систематическому усилию подражания? — Неподвижностью действия и *безличностью* характеров, которые делают ее неспособною к театральному представлению и совершенно несносною в немного посредственном переводе» (Киреевский, 1, с. 37, примеч.). Ср. в Лексиконе Аделунга: «Die Unpersönlichkeit — безъипостасность, *безличность*» (ч. 2, с. 741).

Другие значения в глаголе *обезличить* развиваются гораздо позднее. Во второй половине XIX в. это слово входит в финансово-экономическую терминологию в значении: `сделать таким, что может принадлежать любому, имеющему на это право'. Например, *обезличить облигации займа*. На основе этого употребления в советское время возникает новое значение: `стать таким, за которого никто не несет индивидуальной ответственности'. *Обезличить руководство учреждением* (Ушаков, 2, с. 627).

14.

Легко заметить, что в употреблении слова *личность* выступают два различных смысловых оттенка. Личность мыслится то как индивидуальность с ее внутренней стороны, человеческое *я* — индивидуальное или собирательное — в качестве носителя духовных свойств, то как отдельное, обособленное существо, определяемое по индивидуальным внешним приметам. Например, у П. А. Каратыгина в «Записках»: «Я живо помню его [Дидло. — *В. В.*] *личность*; он был среднего роста, худощавый, рябой, с небольшой лысиной, длинный горбатый нос, серые, быстрые глаза, острый подбородок, вся вообще его наружность была некрасива» (Каратыгин, 1, с. 54).

Сюда же примыкает смысловой оттенок: *личность* — `персонаж, индивидуальный образ'. У того же П. А. Каратыгина: «... роли мои были самые неблагодарные: это амплуа так называемых молодых людей, любовников, резонеров, холодных придворных и тому подобных *личностей* без лиц» (там же, с. 414). У В. П. Боткина в письме к И. С. Тургеневу от 10 июля 1855 г.: «Не бойся раскрыть свою душу и стать перед читателем лицом к лицу. Брось все теоретические *личности*, которыми ты любишь прикрывать себя: следуй движениям своего сердца без робости и осмотрительности» (Боткин, Тургенев, с. 62).

С 50-х годов слово *личность* получает еще более широкое значение: `всякий отдельный человек, как тип, характер; человек с точки зрения его характера, поведения, общественного положения'. В небрежном употреблении слово *личность* стало синонимом слов *человек*, *персонаж*, *тип*, *субъект*. Например, в «Воспоминаниях Авдотьи Панаевой»: «Раз Тургенев при Достоевском описывал свою встречу в провинции с одной *личностью*, которая вообразила себя гениальным человеком, и мастерски изобразил смешную сторону этой *личности*. Достоевский был бледен, как полотно, весь дрожал и убежал, не дослушав рассказа Тургенева» (Панаева 1927, с. 199). У И. И. Железнова в «Картинах казацкой жизни» (1859): «Рядом с Метлиным сидел Нефед Ж..., — *личность* диаметрально противоположная личности Метлина. Кроткий и безответный Нефед не только не колотил, как сосед его и кум Метлин, свою жену, но, напротив, как гласит народная

молва, сам жил под началом у жены, по ремешку, что называется, ходил» (Железнов, 1888, 1, с. 21). У И. Г. Прыжова в брошюре «26 московских пророков, юродивых, дур и дураков» (1865): «Николай Иванович Мандрыга служит и читает, как священник; все допускаемые к этому, обыкновенно исключительные *личности*, очень близкие к хозяину, умиленно слушают чтения и молятся» (Прыжов, с. 51). «Растянувшись по дороге длинной вереницей самых разнообразных личностей, шедших попарно и кучками, под вечер вся эта орда стягивалась где-нибудь у леса и раскладывала стан, чисто цыганский» (там же, с. 53—54). У С. В. Максимова в книге «Сибирь и каторга»: «Так как многие убийства бродяг открывались полицией и крестьяне были судимы за это, то между ними вошло в обычай, убив бродягу, или сдирать с него кожу и мясо, или рубить его труп на мелкие куски и потом зарывать их в разных местах, чтоб уничтожить следы убийства и все признаки *личности* трупа» (I, с. 188).

У Достоевского в повести «Скверный анекдот»: «Один, какая-то невзрачная *личность* в засаленном сюртуке, упал со стула, как только сел за стол, и так и оставался до самого окончания ужина» (Достоевский 1956, 4, с. 38). В «Записках из подполья»: «Передо мной стояла одна *личность*, с глупой улыбкой, сама хозяйка, отчасти меня знавшая. Через минуту отворилась дверь, и вошла другая *личность*» (там же, с. 205). Ср. у А. Шкляревского в повести «Отпетый» «[За прилавком]... сидела до наглости плутовская *личность*, с подстриженными в кружок волосами» (Сочинения А. Шкляревского. М., 1871, с. 2).

15.

[Об употреблении слова *личность* применительно к животным].

У Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: «Животное, без сомнения, обладает сознанием; оно ощущает свое бытие и свою индивидуальность (*личность*); но животное не сознает, как мы, своего чувственного сознания, и потому представление и понятие его о своей индивидуальности не так ясны и отчетливы, как у нас. *Личность* животного сливается в его представлении более, чем у нас, с окружающим его миром...» (Пирогов Н., 2, с. 180). «И в каждой животной особи, кроме сознания (более или менее ясного) *личности*, существует еще сознание племенное, а в людях, кроме племенного *я*, есть еще и общечеловеческое» (там же, с. 75). У Н. И. Пирогова слово *личность* иногда шутливо употребляется как синоним слова *особь*: «... К концу зимы 1878 и к началу 1879 г. осталось в живых из 7 кошачьих *личностей* (одной матери и шести детенышей) только одна...» (там же, с. 97). У И. С. Тургенева в рассказе «Льгов» слово *личность* иронически применено к собакам: «Пока наши собаки, с обычным, их породе свойственным, китайским церемониалом, снюхивались с новой для них *личностью*, которая, видимо, трусила, поджимала хвост, закидывала уши и быстро перевертывалась всем телом, не сгибая коленей и скаля зубы, незнакомец подошел к нам и чрезвычайно вежливо поклонился».

16.

Слово *личность*, по-видимому, под влиянием русского языка, укрепилось в южнославянских языках: болгарском и сербохорватском.

Материалы по истории слова *личность* В. В. Виноградов собирал на протяжении многих лет. Эти материалы, общим объемом около 3 а. л., содержат, кроме собственных наблюдений и замечаний автора, выписки из специальной литературы по философии и истории, многочисленные цитаты с употреблением этого и других (синонимичных или однокоренных) слов. В. В. Виноградов предполагал осуществить большое исследование об истории слова *личность*; однако он успел подготовить только краткую

публикацию «Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в.» («Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. I, 1946, с. 10—12), представляющую собой очень сжатое изложение истории этого слова в виде тезисов. Настоящая публикация состоит из двух частей. Под цифрой I приводится текст публикации 1946 года (с устранением по беловой рукописи автора тех искажений, которые были допущены в печатном тексте). Под цифрой II публикуется основная масса подготовительных материалов, в архиве автора представляющих собой большую папку с черновыми записями на отдельных листках разного формата (всего 140 непронумерованных рукописных листков). В предлагаемой публикации эти рукописные материалы сгруппированы редактором тематически по 16 разделам, последовательность которых в основном соответствует как композиции тезисов 1946 г., так и последовательности расположения рукописных листков в папке. Публикуемые впервые подготовительные материалы по истории слова *личность*, несмотря на их фрагментарность, представляют большой интерес. В них содержатся сведения об истории не только этого слова, но также и об истории целого ряда семантически (отчасти — и словообразовательно) взаимосвязанных слов: *лицо*, *человек*, *существо*, *персона*, *особа*, *особь*, *характер*, *индивидуальность*, *индивидуй*, *неделимое* (калька с лат. individuum), *безличный*, *обезличить*.

К слову *личность* В. В. Виноградов обращался также в работе «Стиль прозы Лермонтова» в связи с возникновением новых методов художественного изображения личности героя в русской художественной литературе 40-х годов XIX в.:

«В 40-х годах проблема изображения личности становится лозунгом и знаменем реалистической школы. Она связана с исканиями новых стилистических форм социально типизированного или резко индивидуализированного выражения эмоционального и идейного мира личности. Любопытно, что из круга сторонников психологического реализма после смерти Лермонтова враждебная критика особенно выделяла Герцена и Некрасова как разрушителей старого стилистического канона. ”Г. Искандер развил свой слог до чистого голословного искандеризма, как выражения его собственной личности. Некрасов то же самое производит над русским стихом“ (Шевырев, Очерки современной русской словесности // Москвитянин, 1848, № 1, 40—41). Литературные искания новых методов художественного воспроизведения личных образов обострялись напряженным интересом общества 30—40-х годов к вопросу о роли личности в истории народа и его самосознания.

Кавелин в статье ”Взгляд на юридический быт древней Руси“ доказывал, что всякое ”умственное и нравственное развитие народа невозможно без развитой, самостоятельной личности“. С. П. Шевырев писал: ”Вопрос о *личности*, ее значении и действии в нашей литературе есть один из деятельнейших в ней вопросов. Никогда еще так много о личности не говорили — и никогда так не вызывали ее к действию. Замечательна перемена, последовавшая даже в значении этого слова относительно к его употреблению. Прежде под именем *личности* разумели оскорбление, наносимое лицу; в таком смысле говорили: ”он сказал мне личность“. Теперь разумеют под именем личности все права человеческого лица на развитие и уважение“ (Шевырев, указ. соч., с. 35). ”Из самой себя хочет современная *личность* почерпнуть всю жизнь, все содержание, все воззрение на мир, даже самый язык“ (там же, с. 40).

”Выбранные места из переписки с друзьями“ Н. В. Гоголя наводили на те же мысли о самосознании личности: ”Не снискал ли Гоголь некоторого права на то, чтобы перед Россией сознать свою *личность* и говорить от ее имени?.. Кто же может обвинить его в гордости, когда он лицо свое употребляет оружием к обнаружению тех истин, которые глубоко сознал в себе и выстрадал в жизни? У нас много толкуют теперь о *личности*, о необходимости развивать и сознавать ее, о том, что *личность* была условием и двигателем успехов западного просвещения, о том, что недостаток ее сознания послужил нам во вред — и те же самые люди, с такими развитыми понятиями о *личности*, готовы попирать и топтать в прах такую личность, как Гоголева“ (там же, Критика, с. 6).

Таким образом, Лермонтов в ”Журнале Печорина“ разрешает одну из труднейших художественных и общественно-политических задач, стоящих перед русской интеллигенцией 30—40-х годов; он аналитически, в новых формах реалистического искусства раскрывает внутреннюю организацию личности современного человека.

”Эготизм Лермонтова, употребляя термин Стендаля, открыл для русской литературы новые пути... После Лермонтова нельзя было создавать характер действующего лица иначе, чем во всей сложности и противоречивости непосредственной душевной жизни. Лермонтов начал новую эпоху, за ним пойдет Лев Толстой, творчество которого также основывается на записных книжках и дневниках и кончается исповедью“ (К. Локс. Проза Лермонтова // «Литературная учеба», 1938, № 8).

По характерному отзыву В. Д. Спасовича, ”Герой нашего времени“ представляется ”анатомическим препаратом одного только сердца, одним из тех documents humains, о которых хлопочет новейший французский натурализм“ (В. Спасович, Сочинения, 2, 397). ”Я взвешиваю, — говорил Печорин, — записываю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия“.

Лермонтов произвел решительный переворот в области художественного изображения душевной жизни. После Лермонтова пушкинская манера начинает казаться ”голой“. Л. Толстой в 50-х годах писал (в своем дневнике 31 октября 1853) о ”Капитанской дочке“ Пушкина: ”Теперь уже проза Пушкина стара — не слогом — но манерой изложения. Теперь справедливо — в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий. Повести Пушкина голы как-то“ (Литературное наследство, т. 43—44. «М. Ю. Лермонтов. I». М., АН СССР, 1941, с. 589—590)».

В архиве В. В. Виноградова сохранился машинописный экземпляр неопубликованной статьи покойного проф. А. В. Кокорева «Из истории русского литературного языка первых десятилетий XVIII века (Материалы к истории слова *личность*)», которая, как явствует из сопровождающей этот текст записки автора, была передана В. В. Виноградову для ознакомления.

Мы сочли необходимым опубликовать эту статью в настоящем комментарии. — *В. Л.*